

АРТУР РАИН

ГОРОД ТЫСЯЧИ ЗЕРКАЛ

1

ИЗМЕНЕННАЯ ВЕРСИЯ

СЕЛЕНА

12+

Артур Раин

Город тысячи зеркал – 1. Селена

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Раин А.

Город тысячи зеркал – 1. Селена / А. Раин — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

Все началось в маленьком курортном городишке с говорящего животного и волшебного камня. А потом нужно было всего лишь раскрыть тайну тысячелетней давности, создать портал из нашего мира и обмануть саму смерть.

Содержание

Пролог	5
Глава первая.	7
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	24
Глава пятая	29
Глава шестая	33
Глава седьмая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Артур Раин

Город тысячи зеркал – 1. Селена

Пролог

Это был первый день осени. Строго говоря, он еще не наступил, ведь оставалось пять минут до того, как часы на городской ратуше пробьют 12 и лето закончится официально. Город уже засыпал, с моря тянуло свежестью, которая осторожно начинала свой ежевечерний фокус, превращая обычные камни в мокрые.

По пустынным улицам бежала девушка в легком светлом платье. Она бежала так быстро, что ее ноги едва касались старых булыжников, уложенных здесь пару сотен лет назад. Прикосновения тонких ступней к серой каменистой поверхности были так легки, что казалось, расти вместо этих камней трава, то ни один стебелек не шелохнулся бы. Она бежала, мелькая среди домов, как маленькая испуганная чайка в поисках выхода из пещеры, в которую залетела случайно.

Рот девушки был широко раскрыт, а глаза превратились в маленькие щелки. Случись в тот момент кому-то увидеть это лицо, то он решил бы, что его хозяйка истошно кричит.

Но она бежала молча и тишину полуспящего города нарушали лишь отдаленные крики чаек, да потрескивающее гудение неоновых вывесок круглосуточных или уже закрытых магазинов и маленьких уютных кафе. Посетители этих самых кафе могли бы увидеть бегущую и может быть даже помочь ей ведь, согласитесь, когда кто-то беззвучно кричит, помощь ему точно не помешает, но когда теплой летней ночью у тебя в одной руке мягкая булочка, а в другой чашка дивного кофе, так не хочется отвлекаться на что-то неприятное.

Поэтому девушка бежала, а можно сказать и летела, еще довольно долго.

Бег, так напоминающий полет прервался с первым ударом колокола часов на маленькой церквушке – самом старом здании в городе. Звук был такой, словно тяжелая металлическая капля упала на землю. Говорят колокольный звон прогоняет демонов; на бегущую девушку же он подействовал как удар пули. Она на мгновение замерла, словно и в самом деле пораженная выстрелом в самое сердце, голова ее запрокинулась, колени подогнулись и мгновение спустя девушка уже лежала на земле, возле какого-то забора, криво сколоченного из давно некрашеных досок.

Секунду спустя, вторая капля звенящей меди упала на землю, и легкая дрожь пробежала по телу лежащей.

Третья капля и неведомо откуда появившаяся тень накрыла светлое платье, будто бы сама тьма пришла поглотить бедную маленькую чайку.

Четвертая капля.

Девушка застонала и в по-прежнему немом ужасе поднесла к глазам руки, рассматривая их так, словно увидела в первый раз.

Пятая капля.

Тень медленно наклонилась и отбросила длинные темные волосы с лица девушки.

Звук шестой капли смешался с невнятным и почти неслышным бормотанием, исходящим изо рта, еще недавно искаженного в немом крике.

Седьмая капля.

Свет выпутавшейся из косматой тучи луны заиграл на звездообразной оголовке меча, висевшего за спиной у тени.

Восьмая капля.

Тень наклонилась еще ниже и что-то успокаивающе прошептала, продолжая поглаживать волосы стонущей девушки.

Девятая капля.

Стон снова сменился бормотанием, но теперь всякий, кто оказался бы в этот момент рядом, мог бы его услышать:

– Что это... Почему они такие... Здесь...

Десятая капля.

– Все хорошо, – шепчет тень, и рукоятка меча пускает лунных зайчиков в широко раскрытые глаза девушки, сияющие неестественным, полубезумным блеском. – Ты упала, давай я помогу.

Одиннадцатая капля.

Глаза девушки раскрылись еще шире и поток слов вдруг иссяк, оставив лишь звенящую металлическую тишину.

Двенадцатая капля.

– Цандоран уничтожен, – тихим и обреченным голосом сказала женщина, пристально всматриваясь в склонившуюся над ней тень с мечом глазами, полными нестерпимого ужаса. – Всеу конец.

Глава первая.

“Завязывая шнурок, оглянись назад. Даже если никакой опасности нет, хуже не будет”. Так говорят в том городе, о котором поначалу пойдет речь в нашей с вами истории. Кому-то фразочка эта может показаться не слишком веселой, однако стоит только взглянуть на благодушные лица местных жителей, как сразу станет понятно, что смысл в нее они вкладывают самый что ни на есть позитивный и шуточный. Это не город тысячи зеркал, до него мы доберемся не так скоро, а самый обычный маленький приморский городишка с немногочисленным населением, тихий и спокойный, как море перед закатом в июньский вечер. Такой как в тот день, когда началась вышеупомянутая мною история. Солнце готовилось окунуться в море, цикады пели в кустах, местные жители устраивались поудобнее за столиками маленьких кофеен, которых в городке было едва ли не больше, чем этих самых жителей. От финансового краха владельцев таких заведений, к слову, спасали туристы, коих в любое время года всегда хватало, так как даже зимой температура в городе редко падала ниже 15 градусов по цельсию. Вы может и не поверите, если живете в более суровых условиях, но при плюс 15 местные жители закутывались в толстые кофты и надевали носки из овечьей шерсти, чтобы согреться, так как, по их мнению, наступили холода.

Сейчас же было около 28 и Элемрос только что проснулся в прескверном настроении. А каким еще оно могло быть у того, кому «посчастливилось» родиться 13 числа – комментарии излишни; в мае – как объяснила однажды подруга его матери – это значит, что будешь все время маяться; после чего получить странноватое, если не сказать больше, имя, которое в стандартной общеобразовательной школе вызвало нездоровый ажиотаж и восторг, который никоим образом не шел на пользу мальчишке, уже и до этого время от времени мечтавшему стать невидимкой. Кроме того, 4 часа назад Элемрос прилег на кровать, намереваясь вздремнуть часок-другой, после чего попить чаю и отправиться на работу.

По странному свойству своего организма, Элемрос всякий раз просыпался за несколько секунд до того, как заверещит будильник – электронное чудовище конца прошлого века, с на редкость противным звонком. Правда для того, чтобы насладиться этим отвратным звуком, будильник надо было включить, а именно этого Элемрос как раз и не сделал.

Означало это только одно. Времени осталось лишь на принять душ и почистить зубы. Чай – замечательный, бодрящий и вкусный, откладывался на “послеработы”.

– Ничего, ничего, – хмуро пробормотал Элемрос, привычным движением взлохмачивая волосы, – скоро мне исполнится 14 лет и может тогда, когда мне уже не будет тринадцать...

Мысль эту он не закончил, так как снова прорвался тяжелый вздох.

Ах да, забыл сказать, что герою нашей истории было еще и 13 лет. Насчет его работы, объясню попозже.

В дверь постучали и само собой не дожидаясь разрешения вошли. Это она проделывала каждый раз и, похоже, не собиралась прекращать. Хорошо хоть Элемрос прилег, как я уже говорил, на часок-другой, а потому был совершенно одет.

– Проснись и пой, юный склеротик, опять забывший завести будильник... Ух ты, да ты прямо светишься счастьем, – жизнерадостно проговорила Элли, глядя на помятую физиономию Элемроса и хлопая его по голове ершиком для смахивания пыли. – Нельзя быть таким оптимистом. Представь, что будет лет через десять-двадцать? Ты превратишься в брюзгу и зануду, которого никто не будет любить. Останешься без друзей и без семьи, так как твоя будущая воображаемая жена наверняка захочет себе кого-нибудь повеселее.

– Спасибо на добром слове, для начала, а потом с чего ты взяла? – поморщился Элемрос, соскакивая с кровати и заправляя футболку в джинсы. – Я про жену. Может у нее будет такой же характер как у меня? Подойдем друг другу как два куска пазла?

Уголок рта Элли поднялся вверх. Это должно было изображать задумчивость. И оно изображало, но ненатурально.

– Не думаю, – она покачала головой. – Я действительно не думаю, чтобы на вселенском огороде уродилось два таких сорняка.

– Прибереги свой ботанический жаргон для ботвы, – пробурчал Элемрос, выталкивая смеющуюся Элли из комнаты. – Я имею в виду твоего нового друга, – добавил он как только замок на двери щелкнул.

Ответом ему был мелодичный смех, звук которого постепенно удалялся. Элемрос снова вздохнул, чувствуя, тем не менее, что дурное настроение несколько выправилось. Таково было особое свойство Элли – студентки местного колледжа, убиравшейся у них дома по вторникам и четвергам. Она была типичным сангвиником, грустившим примерно пять секунд в сутки. Часть этой неумной веселящей энергии обязательно передавалась окружающим вне зависимости от их темперамента, настроения и состояния здоровья.

– Правда для 13-летнего человека, – пробурчал Элемрос, – родом из 13-го мая, нужно нечто большее, чем какая-то там энергетика.

С этими словами он критично посмотрел на льющиеся потоки воды за окном. Да, да, вы не ослышались. В начале июня такое частенько тут случалось. Ни с того ни с сего, откуда-то прилетала одинокая туча и несколько минут теплые струи хлестали пыль на улицах. Потом дождь обычно прекращался так же быстро, как и начинался. Хотя, судя по тому, как начался вечер, на быстрое прекращение дождя рассчитывать не приходилось. Именно поэтому, когда Элемрос посмотрел за окно, в стекле отразилось худощавое лицо с длинными, соломенного цвета волосами и не очень-то веселыми глазами. Остальные черты рассмотреть было нельзя. Не зеркало все-таки.

– Элем, – послышался со стороны двери строгий голос. – Ты не опоздаешь? Или там за окном что-то важное?

Элемрос пожал плечами не оборачиваясь. Он и без того знал, что там увидит. Марта, его старшая сестра стояла в дверях, опираясь на свой длинный зонт, делавший ее похожей на Бастинду из “Волшебника изумрудного города”. Первый раз в жизни Элемрос едва не умер со смеху, когда в детской книжке увидел иллюстрацию, на которой эта злая колдунья стояла около своего замка опираясь на фиолетовый зонтик в той же самой позе, которую так любила принимать его сестра.

– Мне кажется, тебе уже пора заняться делами, – ровным голосом сказала Марта. – Ты же не хочешь вырасти глупым, праздношатающимся бездельником?

– Было бы неплохо, – еле слышно сказал Элемрос.

– Что, что? Я не расслышала.

– Я говорю, что уже иду.

Марта величественно кивнула и, резко развернувшись на каблуках, вышла из комнаты, прямая и нестигаемая, как и все ее жизненные принципы, которые она усиленно пыталась привить своему непутевому брату.

Энергично почесав себя за ухом, Элемрос в очередной раз досадливо поморщился, глядя на неутихающий за окном ливень. Однако делать было нечего. Спускаясь по лестнице на первый этаж, Элемрос одновременно натягивал через голову джемпер и размышлял о том, что сестра, наверное, обладает способностью зомбировать окружающих. Иначе с чего бы это он, которому больше всего на свете не хочется сейчас идти во двор, идет именно туда и при этом даже не думает о возможности сопротивления. «И, однозначно, – продолжал размышлять Элемрос, застегивая куртку и усаживаясь на велосипед, – зомбирование прорезается как зуб у сестры именно в тот момент, когда рождается младший брат.»

На самом то деле он и сам был довольно ответственным и серьезным для своих лет молодым человеком. Правда некий внутренний голос, сильно похожий на голос Элли, частенько нашептывал ему, что подросткам положено быть чуть более безалаберными. Вот почему он предпочитал списывать на мистическое сестрино влияние собственную, скажем прямо, чрезмерную благоразумность.

Элемрос поглубже натянул капюшон, отбросил лишние мысли и выехал на улицу, предварительно засунув наушники плеера, вы не поверите, в уши.

В этот час Цветочная улица была пуста. Обитатели городка спокойно сидели внутри своих уютных маленьких и не очень домиков, выстроившихся по обе стороны извилистой улицы, действительно зарастающей всевозможными цветами ближе к лету, ну или пили кофе там, где вы уже знаете.

Элемрос старательно объезжал лужи, время от времени поправляя капюшон, вечно норовивший сползти с головы. Кстати, ехал он за частью тиража ежедневного «боевого листка», как прозвали его немногочисленные остряки городка. Это была маленькая газетенка из 4 страниц, которую холила и лелеяла местная бизнесменша в отставке, которую на пенсии вдруг потянуло к средствам массовой информации, причем к печатным. До этого она всю жизнь торговала всем чем только можно, и весьма успешно, надо отдать ей должное. Платили Элемросу не то, чтобы мало, но и не настолько хорошо, чтобы невозмутимо терпеть дождевые струйки, просочившиеся уже каким-то образом даже под непромокаемую куртку. Хорошо, что хоть до редакции оставалось совсем немного. Повернуть направо, миновать улицу Больных, а там уже рукой подать.

Да, я сказал: “Улицу Больных”. На самом деле улица конечно же называлась по-другому, но тут такое дело, что прежнего названия не помнили даже старожилы. Наверняка в официальных документах можно было бы отыскать ее подлинное имя, хотя... может быть и нет. Неважно. Благодаря двум людям, проживавшим на этой улице, кроме как улицей Больных ее больше никто не называл. Можно было бы погоревать по поводу несправедливости названия, проживай на этой самой улице кто-то еще, однако на ней стояло всего два дома, слева и справа. Стояли они не друг напротив друга, а несколько на расстоянии, ровно на таком, чтобы кусок дороги, протянувшейся между домами, смогли назвать улицей. Справа, в двухэтажном особняке, чем-то напоминающем средневековый замок в миниатюре, (правда немного покосившийся и облезлый замок) проживал крепкий седовласый мужчина, совершенно неопределенного возраста. Лицо его избороздили морщины, а волосы на голове были все как один подлинно возрастного пепельного оттенка, который не подделаешь никакими красителями. Мысль о красителе у тех, кому попадался на глаза этот человек, возникала по двум причинам. Во-

первых, ярко-синие глаза из-под полуопущенных век сверкали совсем не старческим огнем, а во-вторых, периодически этот обитатель улицы Больных выходил на задний двор своего дома, вооружившись длинным мечом, самым что ни на есть настоящим, и начинал со свистом рубить воздух, мастерски фехтуя только с один ему ведомым противником. То, что фехтовал он мастерски, не вызывало сомнений даже у дилетантов, настолько этот профессионализм был очевиден. Говорили, что Белый Гриф, как прозвали его местные, когда-то давным-давно помещался на творчестве Толкиена. И помещался не слегка, а очень даже серьезно. Заказал для себя тот самый пресловутый меч в антикварной фирме, специализирующейся на продаже редких предметов старины. Поговаривали, что за этот клинок он отвалил половину своего состояния. Кроме того, периодически Гриф исчезал из городка дней на пять-шесть для того, чтобы, как всем было известно, уйти в непроходимые лесные дебри, где-то на юге. Там он встречался с такими же как он толкиенутыми, чтобы сходить с ума уже коллективно, а не в одиночестве.

Элемрос был уже достаточно взрослым для того, чтобы критически воспринимать «всем известную» информацию. После некоторых раздумий, для себя он раз и навсегда решил, что абсолютно точно он знает о Белом Грифе только то, что это человек, который умеет фехтовать мечом и время от времени уезжает куда-то в неизвестном направлении. И вот это -факты, а все остальное – домыслы, которые брать на веру можно, но считать их непреложной истиной глупо.

Свернув на улицу Больных, Элемрос поравнялся с домом Грифа и слегка замедлил ход. Окна Гнездовья, как называли дом те же, кто придумал Белого Грифа, как всегда, были плотно занавешены. Причем одно из окон на втором этаже было занавешено чем-то странным. Казалось, что дневной свет попадает внутрь, но обратно не выходит, поглощаемый без остатка какой-то удивительной, ничего не отражающей субстанцией.

– Бред, – бормотнул себе под нос Элемрос, сегодня твердо решивший бороться с малейшими попытками офантазировать и обмечтать суровую жизненную реальность, – дед просто затонировал себе одно окно. Одно единственное на весь дом. Ну и что? У моей сестры, например, есть фиолетовый зонт, ну а у деда... у деда одно затонированное окно. Тут можно еще поспорить, что нормальнее и естественнее.

С этой мыслью немного повеселевший подросток прибавил скорость и поравнялся уже с домом Психованной Мелли. Этот особнячок, также двухэтажный, походил на...

– На самый что ни на есть стандартный, – четко произнес Элемрос, – типовой, пристойно-обычный коттедж. И если бы не его обительница...

Поразмышлять о Мелли Элемрос не успел, так как произошло именно то, что частенько становится началом весьма и весьма неприятных событий.

Элемрос свернул на скользкую дорожку.

Невозможно сосчитать, сколько раз за всю свою жизнь Элемрос проезжал мимо этого поворота, не обращая на него ни малейшего внимания. Никто не знает почему именно в тот раз он вдруг нажал на тормоз и остановился, повернув голову налево. Такое, наверное, у всех бывало. Делаешь что-то рутинное, что-то, что привык делать каждый день на протяжении длительного времени, даже не задумываясь, инстинктивно словом. Но вдруг, зачастую безо всяких видимых причин, процесс нарушается. И даже не потому, что тебе до смерти надоело делать одно и то же, а просто словно кто-то невидимый толкает тебя под руку и наполовину полный

или наполовину пустой стакан твоего ежедневного житья-бытья падает тебе под ноги и разбивается. Надо сказать, что стакан Элемроса упал не то, чтобы совсем без причин.

Он ведь увидел нечто блестящее, как бы глупо это ни звучало. Блестящее настолько ярко, что Элемрос углядел его краем глаза и сквозь пелену дождя. В глубине заросшего буйной травой пустыря, к которому и вела та самая скользкая дорожка, отходящая от улицы Больных.

В тот момент, когда нам в голову приходит глупая идея, например свернуть и заехать на всеми забытый пустырь, чтобы посмотреть, что там такое блестит, большинство нормальных людей просто выбросят эту идею из головы и вернуться к своим делам. И Элемрос сделал бы то же самое... в любой другой день, но вот только именно в ТОТ день он этого не сделал. И тем самым запустил череду событий, масштабность которых невозможно себе вообразить, исходя из ничтожности поступка. Свернул на велосипеде не на ту дорогу, подумаешь, большое дело. А то, что дорожка эта оказалась скользкой... в буквальном смысле этого слова, Элемрос ощутил на собственной шкуре и быстрее, чем ему хотелось бы. Заднее колесо велосипеда занесло. И занесло настолько быстро, что Элемрос успел подумать только о том, что не стоит все-таки делать нетипичные для себя вещи, будучи привлеченным каким-то там блеском, как распоследняя сорока.

Додумать эту здравую мысль он не успел, так как слетел с велосипеда и проделав, как ему показалось, физически невозможный кульбит, приземлился головой на единственный не заросший травой пяточок пустыря.

Последнее, что увидел Элемрос, прежде чем погрузиться в первую в его сознательной жизни обморочную темноту, был тот самый предмет, чей неестественный блеск и привлек его внимание чуть раньше.

“Красота, какая”, – подумал Элемрос и отключился.

Глава вторая

Авария – штука неприятная. Пусть даже такая пустяковая, как с участием одного горевелосипедиста. Не советую никому проверять это утверждение, просто поверьте на слово. Что же касается героя нашей с вами истории, то зрение его очнулось немного раньше всех прочих органов чувств. Элемросу прежде не доводилось стучать головой об землю, поэтому ощущал он себя немного странно. Что-то тут было и от страха, и от любопытства. Этаким коктейль, всегда замешивающийся в голове человека, впервые что-то испытывшего. Правда не успел Элемрос как следует распробовать этот самый коктейль на вкус, как вдруг в голову ворвалась такая боль, которая вымыла начисто все мысли и чувства. Элемрос тихонечко застонал, с трудом удерживая рвущийся наружу вопль. Как ему смутно припомнилось, орать на весь белый свет довольно-таки неприлично, поэтому, повторюсь, Элемрос тихонечко застонал.

– Мужественный паренек, – произнесли где-то недалеко вверху над раскалывающейся головой. – Я, конечно, могла попробовать устранить боль сразу же, но мне очень захотелось посмотреть, как себя ведет нынешняя молодежь в таких обстоятельствах.

Голос, который услышал Элемрос, принадлежал явно пожилой женщине. Хотя в нем и не было дребезжащих старческих ноток, а наоборот, чувствовалась какая-то уверенная власть. Такой голос мог бы принадлежать какому-нибудь политику в отставке. Элемрос с трудом приоткрыл один глаз и увидел перед собой лицо Психованной Мелли.

Она улыбнулась ему, дружелюбно и бессмысленно, как всегда. Точно также она улыбалась пару лет назад грабителю, забравшемуся к ней в дом. Она улыбалась ему точно такой же немного виноватой улыбкой, глядя в ствол пистолета, который он направил на нее, брызгая слюной и требуя какие-то наркотики. С чего он взял, что у Мелли они есть, было совершенно непонятно. Кстати, она продолжала ему улыбаться даже тогда, когда ворвавшиеся в дом блюстители закона продырявили незадачливого бандита несколькими чертовски большими пулями.

– Она даже не вскрикнула, – пожимая плечами рассказывал потом один из нажавших на курок, попивая пиво в самом популярном городском пабе. – Просто спокойно стерла попавшую на лицо каплю крови и предложила нам кофе.

– Психованная Мелли, – многозначительно пожимали плечами слушатели. – Что тут скажешь.

Говорилось это таким тоном, словно только такое поведение и было для старушки естественным, хотя, как и в случае с улицей “Больных”, никто не знал, с каких это пор и за что Мелли впервые назвали “психованной”.

– Мужественная старушенция, – покачал тогда головой инспектор Шейн. – Старой закалки, теперь таких нет. Сейчас люди бегут к психоаналитику едва палец порежут... Сразу же после визита к хирургу.

Шейн был главой полицейского департамента – одноэтажного дома на краю городка, где кроме него служили еще четыре полисмена и престарелый пес неопределенного возраста и цвета. Это не считая секретарши, но даже она сама себя не считала штатным сотрудником полиции, так что и мы не будем. Был там еще один сотрудник – этакая тайная полиция в лице одного человека, но пока не настало время представить его вам.

Может показаться странным, что в курортном городке полиция была столь малочисленна, но жители тут обладали абсолютно незлобивым и бесконфликтным нравом, что совершенно необъяснимым образом притягивало к себе точно таких же туристов. Вот почему последнее серьезное происшествие случилось тут аж пять лет назад, но о нем я уже рассказал в истории с Мелли и наркоманом.

Однако вернемся к нашему герою.

Элемрос со свистом втянул в себя воздух, так как нужно было, наверное, разнообразить демонстрацию того, как ему больно. Стонать то два раза подряд тоже было глуповато. Мелли поправила сползшие на нос очки и решительным движением прижала кончики указательных пальцев к вискам Элемроса. Глядя на ее длинное лицо, с тонкими решительными чертами, посеченными едва заметными морщинками, Элемрос решил, что сейчас его боль улетучится как по мановению волшебной палочки. Потом Мелли признается ему, что она волшебница и уведет его...

Куда она его уведет, Элемрос придумать не успел. Очередной приступ боли казалось расколол его несчастную голову пополам. Было такое ощущение, что давешний пустырь вломился в комнату и с радостным улюлюканьем обрушился на Элемроса еще раз.

– Хм, – пробормотала Мелли, поднимаясь с кресла и отходя от кровати. – Так я и знала. Проклятый мир. Чересчур много прагматики и никакого понятия о духовности. Где уж тут магии взяться. Пытаешься, пытаешься и все впустую. Угораздило же меня...

Мелли исчезла из виду, а Элемрос предпочел снова закрыть глаза, чувствуя, что сейчас наплюет на приличия и немного похнычет. Вдруг полегчает.

– Я, конечно, понимаю, у жителей земли не было другого выхода, – голос Психованной Мелли снова выплыл откуда-то сбоку, – пришлось человечеству идти по пути материального совершенствования, забыв о духовном... Не важно... на ка выпей вот это. Полегчает.

Элемросу поднесли ко рту стакан с водой. И еще чем-то. Судя по вкусу, Психованная Мелли растворила в ней свои тапки, ношенные не снимаяuchi лет эдак двадцать. Однако обижать старую даму, которая, судя по всему, искренне старалась помочь, не хотелось. И не только из вежливости, (хоть это и было основной причиной,) но и из опасения раздражать человека с кличкой “психованная”. Учитывая все эти соображения, Элемрос зажмурился и храбро осушил стакан до дна.

– Вот и молодец. Некоторые растения обладают свойством накапливать магическую энергию. При желании можно отыскать экземпляры, способные проявлять некоторые лечебные свойства даже сейчас, спустя тысячи лет, – ворчливо пробормотала Мелли. – Магии в них, конечно, кот наплакал, поэтому приходится добавлять и аспирины всякие. Теперь поваляйся здесь немного, а я пойду посмотрю, что там с твоим велосипедом и моим пустырем.

Как только шаги Мелли затихли, Элемрос тут же соскочил с того, на чем он лежал. Головная боль подутихла и если не прошла совсем, то уже не имела особого значения. Любопытство, особенно любопытство подростка – лучшее лекарство от головной боли, переломов и всего прочего не поддающегося стандартному излечению. Упускать возможность осмотреться в доме Психованной Мелли было нельзя. В школе у всех глаза на лоб вылезут, когда они услышат об этом. Как вы уже поняли, приятной популярностью Элемрос не пользовался, а потому не собирался пропускать предоставившийся случай поднять свой рейтинг в школе.

В первую очередь Элемрос посмотрел на свое ложе. Это оказался обычный диванчик, по размеру подходящий как раз для тринадцатилетнего подростка или пожилой женщины небольшого роста. Уютный и мягкий, теплого желтоватого цвета.

Совершенно обычный, если не считать вышивки на спинке. Элемросу доводилось видеть искусное рукоделье на выставке прикладных искусств в прошлом году, которую устроили в честь дня основания городка. Несмотря на то, что повод для выставки немного глупый. День основания Города – это еще куда ни шло, а тут... но не в этом дело. Первое место получил пейзаж, вышитый какой-то девяностолетней бабушкой, о которой до сего момента никто не слышал. С помощью банальных ниток и иголки, старушка сумела сотворить настолько натуралистичное яблонево дерево, что казалось стоит подойти поближе и почувствуешь его аромат. С того момента, как рукоделье было выставлено в зале, судьба первого места была предreshена. Элемрос тогда подумал, что никогда больше не увидит более совершенной работы.

И тут увидел. Рука его машинально потянулась за мобильником, а вернее за камерой в нем. Быстро и воровато оглянувшись, Элемрос сделал снимок этой поразительной вышивки.

На спинке диванчика Психованной Мелли с помощью обычных ниток был изображен целый пейзаж. Три практически одинаковых по высоте скалы стояли по берегам удивительно красивого озера с идеально ровной поверхностью. И это не было недостатком работы. При взгляде на озеро сразу становилось ясно, что оно именно такое, каким и должно быть. Элемрос немного отодвинулся, чтобы глаз перестал различать тоненькие нити, которыми вышили эту картину. И тут...

– Кажется, что смотришь в окно.

Элемрос подскочил. Мелли довольно ухмыльнулась, заправляя за ухо выбившийся седой локон и поднося ко рту исходящую паром чашку. Судя по запаху с травяным чаем. Как она умудрилась так беззвучно подойти, непонятно.

– Не правда ли, – женщина склонила голову на бок и ее взгляд немного затуманился. – Ваа Лимор... Никогда я не видела более прекрасного места. Уже и не увижу, наверное.

– А что это за место? – Элемрос немного успокоился и теперь рассматривал парящих над озером птиц. Стремительно падающих вниз, чтобы подхватить одну единственную каплю и создать радугу из алмазных брызг, слетающих с быстрых крыльев в лучах рассветного солнца.

– Красиво, – кивнула Мелли, глядя в сторону и улыбаясь собственным мыслям, – Каждый представляет что-то свое, глядя на эту картину. Твой образ один из лучших.

Элемрос недоверчиво покачал головой. Ему на мгновение действительно показалось, что он увидел летающих над озером птиц, но это быстро прошло.

– Наверное побочное действие обезболивающего, – пробормотал Элемрос, глядя на вышивку. – Никаких птиц тут нет.

– Ну да, – покорно согласилась Мелли. – Конечно нет. Просто таково свойство озера Лимор в долине Ваа. Даже его изображение вызывает самые лучшие образы в сознании смотрящих на него.

– А с чего вы решили, что мой образ один из лучших? – с несколько запоздалой подозрительностью спросил Элемрос.

– Интуиция, – немного помолчав, сказала Мелли. – Читать мысли здесь невозможно, приходится довольствоваться инстинктами. Хотя чай из зверобоя и смеси альпийских трав немного подстегивает эмпатию. Но совсем, совсем чуть-чуть.

“Она только выглядит нормальной, – напомнил себе Элемрос. – А еще она врет.”

Последняя мысль ворвалась ему в голову неожиданно, но он каким-то девятнадцатым чувством понял, что она правильная.

Мелли засмеялась.

– В чем дело? – Элемрос покраснел.

– Детские лица можно читать, даже не прибегая к телепатии, – сказала Мелли и протянула ему красное яблоко. – Съешь, и отправляйся. Тебе еще газету развозить. И не смотри так, яблоко не отравленное.

– Да я и не думал, – пожал плечами Элемрос, вгрызаясь в сочную мякоть и украдкой оглядываясь по сторонам, стараясь рассмотреть хоть что-нибудь еще. Мысленно он, кстати, проклял себя за то, что не сделал еще пару фоток на мобильник. Но если вспомнить, что всего несколько минут назад он стучал головой по земле, его нерасторопность была простительна.

– Вы нашли его? – спросил он Мелли, стараясь еще немного потянуть время. – Тот камень, из-за которого я и свалился?

Мелли удивленно приподняла брови.

– Ты об камень стукнулся? – озабоченно спросила она. – Тогда давай еще осмотрим твою голову, это уже не шутки.

– Да нет, – досадливо поморщился Элемрос. – Я про тот, черный, странный, на цепочке. Он так блестел, что я засмотрелся и упал и...

Сразу же после этого герой нашей с вами истории испуганно попятился. Лицо Мелли побледнело так стремительно, что у Элемроса мелькнула паническая мысль о том, чтобы вызвать скорую.

– С вами все в порядке? – опасливо спросил он. – Может врача?

Мелли медленно подошла к нему и осторожно, словно раненую птицу сжала лицо Элемроса в ладонях. В обычной ситуации герой нашей с вами истории как минимум смутился бы, а как максимум испугался, но в тот момент ничего из этого он не испытал. Руки Мелли были сухими и прохладными, а ее глаза напоминали озерную воду, блестящую в лучах полуденного солнца.

– Так вот кто ты, мальчик, – прошептала Мелли и ее губы растянулись в грустной улыбке. – А я уж почти перестала ждать. Знаешь, время – это самый страшный враг надежды.

Элемрос судорожно сглотнул.

– Извините, – осторожно сказал он, слегка отстраняясь, – я не понимаю, о чем вы.

Мелли отпустила его лицо и с легким удивлением посмотрела на свои руки, словно изумившись их поведению.

– Прости меня, – сказала она, делая несколько шагов назад, закрывая глаза и покачивая головой. – Конечно ты не понимаешь... Я... должна побыть одна. Не волнуйся за меня, со мной все будет в порядке. Просто легкий приступ. Тебе нужно идти.

Дважды ей повторять не пришлось. Подгоняемый несколько запоздалым испугом, Элемрос выскочил из дома Мелли, попутно все же успев бросить прощальный взгляд на обстановку. Ничего особо примечательного он так и не увидел. Никаких тебе алтарей для ритуалов, таинственных толсто-старинных книг или хоть на худой конец чучел неведомых зверушек. Обычный дом пожилой дамы, опрятный и ухоженный как давешний желтый диван.

Спрыгнув с крыльца, Элемрос пошел к калитке, с удивлением ощущая нечто вроде разочарования. Причину разочарования понять было трудно. И еще почему-то очень не хотелось уходить отсюда. Тем не менее, Элемрос отбросил вздорные мысли и, выйдя за калитку, решительно оседлал велосипед.

Тут то он и увидел его снова.

Эта штука лежала возле колеса, практически невидимая в траве. Если бы не луч солнца, как раз в этот момент каким-то чудом пробившийся сквозь тучи, Элемрос так и уехал бы. Но луч пробился и отразился от цепочки, бросившей солнечного зайца прямо Элемросу в глаза.

Может если бы он уехал тогда, нашей с вами истории и не было бы, но кто из нас уехал бы в такой ситуации? Только тот, кому никогда не стать героем необычной истории.

Элемрос наклонился и вытащил из травы тяжелый камень, черный и гладкий, идеально овальной формы, висящий на тонкой золотой цепочке, пропущенной через маленькое отверстие. И металл, и камень были так тщательно отполированы, что казалось сверкали сами по себе, наполненные внутренним огнем. Именно этот удивительный свет, словно струящийся из глубин камня и заставил Элемроса подумать, что он видит нечто невозможно прекрасное. Позднее, немного присмотревшись, Элемрос сделал еще одно удивительное открытие. Камень вовсе не был безукоризненно гладким. Поверхность его состояла из бесчисленного количества практически невидимых граней, подобных тем, что создают ювелиры на драгоценных камнях. Они были настолько микроскопические, что, не приглядевшись, различить их было невозможно, а камень казался идеально гладким.

Элемрос завороченно смотрел на невиданное украшение примерно с минуту, не в силах оторвать взгляд. Только сильное шуршание травы вернуло его к реальности.

Большой рыжий кот с коротким розовым носом на слегка вытянутой мордочке деловито прошмыгнул между ног Элемроса и бесцеремонно вскочил на велосипедное сиденье.

Элемрос посмотрел на него нахмутив брови. Вообще-то он любил кошек, но только тогда, когда они не были такими наглыми. Машинальным движением он намотал цепочку на пальцы правой руки и зажал черный камень в ладони.

– Если тебе кажется, что я с тобой разговариваю, чувак, – промурлыкал кот приятным хриловатым тенорком, – то скажи “нет” наркотикам.

Глава третья

Когда с вами начинает разговаривать то, что говорить не должно, это, как минимум, вызывает некоторые опасения. И кот, это еще ничего, представьте, что с вами начал разговаривать какой-нибудь кофейник, например. Или матрас. Так что Элемросу в какой-то мере повезло. Правда в тот момент он этого совершенно не оценил. Если с вами когда-нибудь вдруг начинали разговаривать коты, то, наверное, вы можете представить, что почувствовал в это мгновение Элемрос. Сам он в тот момент решил, что это вирус. Да, да, именно вирус. Сумасшествие – это вирусная болезнь, которую он умудрился подцепить от Мелли. Больше ему времени на раздумья не дали. Кот заговорил снова.

– Извини, приятель, – сказал он. – Это моя любимая шутка, я ее повторяю всем призванным. Как правило, это помогает им немного быстрее адаптироваться к новой реальности. Потом, конечно. Разумеется, сиюминутного эффекта не получается. Так что твое ошарашенное выражение лица – в пределах нормы.

Элемрос тупо молчал. И чувствовал себя не менее тупо.

– Ну ладно, – кот махнул лапкой. – Скажи уже что-нибудь. А то я начинаю думать, что мой заумный треп не подействовал успокаивающе.

– Я... это... ну...

– Красноречиво, – вздохнул кот. – Кажется, нашу беседу придется отложить. Я думаю, сейчас ты съездишь в редакцию, развезешь газеты, а потом, ближе к вечеру, вернее к ночи мы поговорим. Жди меня в полночь.

С этими словами кот немного злое и довольно ненатурально расхохотался, вильнул хвостом и был таков. Элемрос потряс головой, очумело глядя на камень, зажатый в руке. Несколько секунд он пытался сообразить, где находится и не спит ли. Или может он до сих пор без сознания и все эти камни и коты – просто ему привиделись.

– Или старуха и в самом деле напоила меня наркотиками, – пробормотал Элемрос, вешая камень себе на шею. – Может скоро ко мне зеленые свиньи прилетят?

– Так вот ты где!

“А вот и они.” Элемрос резко обернулся, стараясь даже не думать, кого увидит на сей раз.

Но это оказалась всего лишь его работодательница. Решительная дама властно поманила его пальцем, высунувшись из окна своего шикарного авто.

– Вам не кажется, молодой человек, что уже хватит прохлаждаться. Моя газета приходит к подписчикам ровно в восемь вечера вот уже пять лет, и я не собираюсь рушить эту традицию ни сегодня и никогда.

Элемрос быстро пробормотал что-то невнятное и оседлал велосипед.

Весь оставшийся вечер он прожил словно по инерции. Развез газеты, получил деньги, вернулся домой, выслушал ежевечернюю лекцию о правилах хорошего тона, после чего был

отправлен наверх в свою комнату, так как настало время онлайн консультации со школьным психологом. Дело в том, что их школа не могла себе позволить держать психолога в штате, поэтому директор решил организовать видео-консультации со столичным специалистом. Признаться, этого момента Элемрос боялся больше всего. Дело в том, что психолог, во-первых, был хороший и утаить от него вполне вероятное сумасшествие будет сложно, а во-вторых, Элемрос так до сих пор и не решил для себя, что ему больше хочется, скрывать свою гипотетическую болезнь или наоборот начать лечение пораньше.

Как бы там ни было, эти внутренние терзания не мешали Элемросу беседовать с психологом вот уже несколько минут на привычные темы, не менявшиеся... никогда, вообще-то. Дело в том, как и в случае с Элемросом и газетой, платили психологу не то, чтобы мало, но явно недостаточно для того, чтобы такой блестящий столичный специалист разбивался в лепешку ради его онлайн-пациентов.

– Элем, – сказал ему психолог, – мне кажется, тебе нужно больше общаться с людьми. Ты слишком замкнут. В твоём возрасте это понятно, но самую большую ошибку совершают те, кто закрываются в своей скорлупе.

Элемрос отключил слух и начал размышлять о произошедших событиях. Он старался быть вежливым с людьми, но, знаете ли, внимательно слушать каждый раз одно и то же, когда какому-то чрезмерно заботливому взрослому вдруг начинает казаться, что с тобой не все в порядке, это уж слишком.

Ситуацию с повышенной заботой никоим образом не исправлял тот факт, что родители Элемроса и его сестры Марты когда-то ушли из дома и не вернулись. Звучит полу-смешно, полу-грустно, но по-другому не скажешь. Обычно эта фраза звучит в передачах о пропавших детях, а тут... Марте тогда уже был 21 год, а Элемросу только-только исполнилось шесть. Сестре удалось убедить опекунский совет назначить опекуном ее и с тех пор она ревностно исполняла свои обязанности, а именно опекала. В чем ей помогал солидный счет в банке, доставшийся ей по завещанию. С тех самых пор Элемрос не видел своих родителей. В доме не было даже их фотографий. Кроме того, Марта пресекала любые разговоры на тему исчезновения родителей.

– Их больше нет, – категорично заявила она когда-то категоричным тоном. – Нет в нашей жизни ни в каком виде.

Элемрос так до сих пор и не разобрался, с каким чувством говорила эта фраза. Ненависть, злость, отчаянье, горечь, печаль... У каждого из этих слов было определение, но ни одно из них не соответствовало выражению глаз сестры, говорящей о родителях.

– ... если вдруг у тебя появляются проблемы, – голос психолога ненавязчиво вплелся в мысли, – то самое верное – это не оставаться с ними наедине.

“Ну давай попробуем, конечно, – подумал Элемрос. – Вы знаете, я сегодня приложился головой об землю, нашел, как мне кажется, волшебный камень и после этого со мной заговорил кот, который обещал зайти попозже. Видимо, чтобы продолжить беседу. Как вам такая проблема?”

Он с трудом подавил готовый уже вырваться нервный смешок и постарался превратить его в кашель. Вышло не очень. Тут, кстати, психолог перестал говорить и посмотрел на него с привычным участием. Лицо Элемроса привычно приняло подобающее выражение.

– Ничего серьезного, – тихо сказал он. – Просто летний авитаминоз на мозги действует, вот и все.

– Ах вот как, – психолог понимающе улыбнулся. Ему нравилось, когда пациенты проявляли чувство юмора и Элемрос знал об этом. – Я думаю, тебе просто нужно найти себе какое-нибудь хобби, чтобы для печальных мыслей не оставалось времени. Ну и мульти-витамины пропить неплохо.

– Я уже думал об этом, но, честно говоря, пока ничего подходящего не подворачивается... Я про хобби, витаминов у нас в доме хватает.

Психолог внезапно пристально посмотрел на него и Элемросу стало слегка не по себе. На мгновение показалось, что на сей раз провести этого господина не удалось и неприятный разговор будет продолжен еще более неприятным образом, но в этот самый момент на столе в экране ноутбука вдруг зазвонил телефон. Психолог приветливо кивнул Элемросу, показывая, что разговор окончен.

Элемрос захлопнул крышку и облегченно беззвучно выдохнул.

– Элем, – строго сказали за спиной. – Не стоит так резко прерывать разговор, это невежливо.

Марта постукивала концом зонтика по полу. Частота ударов показывала среднюю степень раздражения. Это значит, что не реагировать на ее фразу позволялось.

– Разговор уже был закончен, – ровным голосом сказал Элемрос. – Но стоило выдержать паузу, ты права.

Марта коротко кивнула и ушла.

И так вот было всегда. Вместо нормального общения Элемрос ежедневно получал порцию чего-то до одури напоминающего лекции. И это я еще не рассказал о другой милой привычке Марты. Каждый день учебного года Элемроса привозили в школу и провожали из нее. Каждый раз он старался не обращать внимания на насмешливые улыбки учеников и вдвойне старался не обращать внимания на улыбки сочувствующие. Элемрос давно осознал, что насмешки, пусть даже самые злые, куда лучше давящего удушающего сочувствия. В них хотя бы был юмор, пусть и злой, которого в повседневной жизни совершенно не хватало, тогда как сочувствие было переполнено до краев жалостью, от обилия которой иной раз хотелось залезть на стену. В такой атмосфере и вырос и сформировался Элемрос, циничный, нескладный подросток, с блеклыми серыми глазами и густыми волосами соломенного цвета, все время старательно приглаженными. Он походил на какое-то тропическое растение, чудом прижившееся в пустыне, достаточно стойкое для того, чтобы выжить на палящем солнце, но все же с ощутимым недостатком влаги. Если бы не история с родителями и не фиолетовый зонтик Марты, сверстницы Элемроса, то и дело уже с интересом поглядывающие на мальчишек, на самого Элемроса не обращали бы внимания вовсе. А так внимание было.

Жалостливое.

Элемрос не просто не любил, когда его жалеют. Он просто ненавидел это. Ненавидел так, как только может ненавидеть человек, считающий себя более взрослым, чем кажется всему остальному миру.

Элемрос стиснул зубы.

– Просьба не выпрыгивать из тапок, – сказали где-то сбоку. – Эт цнова я.

Стоило больших трудов не подскочить и не заорать. Элемрос стиснул волю в кулак и скосил глаза вправо. Ухмыляющийся кот сидел за окном, на карнизе, помахивая хвостом. Тихая музыка доносилась из открытых окон стоявшего неподалеку дома и слегка прохладный ветерок, прилетевший с умытых дождем гор, шевелил рыжую шерсть невидимой рукой.

– Мне тут подумалось, что еще одно мое появление будет кстати, – важно произнес кот своим странноватым тенором. – В том смысле, что сказочные события нужно вводить в жизнь постепенно, а не обрушивать лавиной, чтобы человек хоть как-то успел привыкнуть.

– Мог бы появиться пораньше, – пробормотал Элемрос, впервые в жизни жалея, что рядом нет Марты. – Познакомился бы с моей сестрой.

– Так можно было бы проверить, видит ли и она меня? – ухмыльнулся кот. – Разумно. Но не в нашем с тобой случае, потом объясню. Да ведь и всегда остается шанс, что это у вас семейное помешательство и что вы уникальный случай с одинаковыми зрительно-слуховыми галлюцинациями. Рациональное мышление – не всегда преимущество, иногда оно может здорово запутать. Вот тебе пароль на сегодня: “Если орех не расколоть и не съесть, он в конце концов стухнет”.

С этими словами кот спрыгнул с карниза и снова пропал.

– Элем, ужинать.

Голос Марты, тихий и спокойный донесся с первого этажа, и, как всегда, благодаря какому-то неведомому акустическому феномену, Элемрос его услышал. Еда это было последнее, чего хотелось сейчас, но, как вы понимаете, Марту не стоило заставлять ждать. Поэтому Элемрос сильно потер лицо ладонями и выскочил из комнаты.

На ужин в этот вечер была жареная рыба. Марта ела мало, как всегда. Иногда Элемросу казалось, что его сестра вовсе не нуждается в еде и ест только потому, что так положено.

– Когда закончишь мыть посуду, – сказала Марта, откладывая в сторону салфетку, – займись, пожалуйста, книгами. Они у тебя разбросаны.

– Хорошо, – покорно сказал Элемрос, хотя точно знал, что “разбросаны” – это две книги, лежащие на столе, а не стоящие на полке.

Не прибавив больше ни слова, Марта вышла из столовой. Элемрос еще какое-то время поковырялся в тарелке, после чего задумчиво уставился на кусок рыбного филе.

– Все-таки сегодня у меня гость, – пробормотал Элемрос. – Как-то неудобно встречать с пустыми руками.

С этими словами, он взял филе и, воровато оглядевшись, спрятал его в пластиковую коробочку из-под творога.

Загружая посуду в посудомоечную машину, Элемрос мрачно размышлял о том, что готовится к встрече с может быть воображаемым котом и мало того, еще и собирается его угощать.

– Так меня и заберут в дурдом, – ворчал Элемрос, – разговаривающего с пустотой и пытающегося накормить ее рыбой.

Тем временем за окнами сгустилась темнота. Ночь обещала быть ясной, теплой и помытой, как и положено нормальной июньской ночи после дождя. Когда Элемрос поднялся к себе в комнату, удивительно большая луна за окном разливала по полу свой бледный и холодный свет. Правда не прошло и пяти минут, как она скрылась в густом облаке. Нашарив на стене выключатель, Элемрос уже почти было нажал его, как вдруг где-то слева послышалось шуршание, а потом что-то громко шлепнулось на пол. Сразу же вслед за этим послышалось приглушенное ругательство.

– Черт бы побрал всех ваших долбанных писак, – еле слышно бормотал уже знакомый Элемросу тенорок. – Какого дьявола они все время стараются сделать дверь между мирами в каком-нибудь совершенно неподходящем для этого месте. Кто вообще придумал, чтобы бастерии, уважали творчество местных сказочников...

Сглотнув, Элемрос нажал на выключатель и его взору предстало следующее: распахнутая настежь дверца шкафа, вывалившиеся наружу всевозможные предметы гардероба, а также все те вещи, которые обычно попадают в шкаф по принципу “а почему бы не положить это именно в шкаф”. Так, среди всего прочего, там, оказывается, была и старая рыболовная сеть, в которой барахтался давешний рыжий котяра, судя по всему, взбешенный до крайности. На мгновение Элемросу вдруг захотелось запихнуть это существо обратно в шкаф и забыть о его существовании. Так иной раз случается, когда на голову вдруг обрушиваются невероятные события. Тогда в любом мечтателе просыпается здравый смысл, который подсказывает, что о приключениях хорошо читать в теплой постельке, в то время как главный герой романа размахивает мечом, мокнет под дождем, страдает и мучается ради Великой цели. Мы восхищаемся им, сочувствуем ему и стараемся побыстрее узнать, какой у сказки будет счастливый конец.

– Точно, – зло бормотнул кот, когда Элемрос все-таки пришел ему на помощь и стал помогать выпутаться из сетки. – Читать о том, как клинок просвистел мимо уха ой как интересно. Но когда в реальной жизни кто-то вдруг попытается отрубить тебе голову, мы тут же понимаем, что пошли они все куда подальше эти приключения.

– По-моему, ни о какой дедукции речи уже не идет, – пропыхтел Элемрос, старательно распутывая сеть и стараясь при этом не повредить коту, – читать чужие мысли все-таки неприлично.

– А если ты задумал что-то плохое? – глухо пробормотал кот, стараясь перегрызть прочную леску. – Не то, чтобы я тебя в чем-то подозревал, но это я к тому, что иногда чтение мыслей бывает полезно.

– Если так думать, можно далеко зайти. Можно тогда застрелить незнакомого человека. Вдруг у него в кармане пистолет.

– К черту словоблудие. Ура! Я свободен! И расслабься, говорю же, мысли я не читаю, просто у тебя лицо красноречивое, а подростки мужского пола в такой ситуации в большинстве случаев думают одинаково.

Довольный кот выбрался из сетки и тут же запрыгнул на кровать. После этого, он дружелюбно взглянул на Элемроса.

– Ну-с, молодой человек, вы уже примирились с моим существованием?

– Не знаю, – честно ответил Элемрос, – пока я еще не уверен, что не сошел с ума.

С этими словами, он вытащил из кармана рыбу и положил ее рядом с котом.

Несколько секунд кот молчал, а Элемрос чувствовал, как краска заливает ему щеки. Рыбу притащил, глупость какая.

– Ты не безнадежен, – довольно и официально сказал кот. – Когда люди со мной сталкиваются, то делают все что угодно... но ты первый, кто предложил мне еду.

Элемрос покраснел еще больше. Но теперь уже не от стыда. Кот тем временем прожевал первый кусок.

– Вкусно. Кто готовил?

– Марта. Моя сестра. Это единственное, что у нее получается по-настоящему хорошо, – вырвалось у Элемроса, прежде чем он успел закрыть рот.

– Не ладите с ней, а?

– Нет, я не сказал бы... в общем она конечно заботится обо мне, ... она...

– Говори же. Уж кому-кому, а ткоту все можно сказать.

– Она больше похожа на воспитателя, чем на сестру.

Кот облизнулся и внимательно посмотрел на Элемроса. Тот снова слегка покраснел, но взгляд не отвел.

– И это еще не все, – то ли спросил, то ли констатировал кот.

– Не все, – тихо сказал Элемрос, но тему развивать не стал. Обсуждать родного человека с малознакомыми котами – дурной тон, так он подумал.

Кот дожевал рыбу и начал умываться. Делал он это также старательно, как и все кошки, но Элемросу начинало казаться, что его гость просто тянет время.

– Ну ладно, – вздохнул кот. – Меньше слов, больше дела. Я, в конце концов, пришел как раз для того, чтобы убрать все уныние и прочие отбивающие аппетит вещи из твоей жизни. Так что ставь зеркала и начнем, как только скажешь пароль.

– Он был глупый и я его забыл, – пожал плечами Элемрос. – А о каких зеркалах идет речь?

– Пароль был прекрасен и наезд я тебе еще припомню, человек с дырявой памятью. А что касается зеркал, как портал открывать будем, по-твоему? С бубном попляшем? Стандартный зеркальный коридор – чего уж лучше.

Элемрос пожал плечами. Сердце у него учащенно забилося, как и у всякого подростка при слове “портал”. Но виду он не подал, как и опять же полагалось подростку.

– Вон то трюмо подойдет?

– Ни фига себе, – кот соскочил на пол и шмыгнул в угол. – Вот это работа. Никогда еще не видел, чтобы отражение было таким четким. Какой мастер делал?

– Китайский, – пробормотал Элемрос.

– Кхитайский, – повторил кот. – Ладно, не важно, все равно я с вашей географией не знаком. Работа шедевральная, но не годится. Давай обычные зеркала, шлифованные.

– В смысле? – осторожно спросил Элемрос.

– Не тупи, – сурово сказал кот, – я веселое и забавное существо, но шутки в сторону. Давай их сюда?

– Да кого их то? – прошипел Элемрос, уже начинающий сердиться.

Кот сделал глубокий вдох и улыбнулся. У людей такая улыбка означает: “ладно, я подыграю”.

– Для открытия портала, – терпеливым тоном сказал кот, – нам понадобятся два самых обычных алхимических зеркала из полированного серебра и золота. Небольших, в человеческий рост. И только пожалуйста, умоляю, не надо больше тратить мое время и притворяться, что двух таких обыденных вещей здесь не найдется.

Глава четвертая

– Обманывать меня тебе вроде ни к чему, одна надежда, может ты все-таки шутишь? – уныло сказал кот, проводя когтем по оконному стеклу. Делал он это, кстати, уже в третий раз и, как и в предыдущие два раза, Элемроса с души воротило от этого скрежета. Пока он терпел из вежливости, но чувствовал, что запасы терпения стремительно иссякают.

– Я это к тому, – продолжал кот, – что у нас серебро и золото – самые грошовые материалы. Любой алхимик, да что там алхимик, даже ученик ученика может сделать сколько угодно серебра и золота хоть из рыбьей чешуи.

– Интересно, – удивился Элемрос. – Это что, такой несложный процесс у вас?

– Ну да. Самая легкая трансмутация. Я же говорю, даже новичок справится. Но как ни крути, при всей их дешевизне, серебро и золото – лучшие проводники магической энергии.

– Как это работает, – поинтересовался Элемрос, – открытие портала, я имею в виду?

– Просто, – вздохнул кот, соскакивая с подоконника. – Серебро принимает и передает энергию, золото принимает и преобразует, намного увеличивая. Если поставить два зеркала, серебряное и золотое друг против друга, мощность магической энергии между ними в конце концов возрастает настолько, что частично разрушается барьер между мирами. Поэтому зеркальный коридор, который получается, как я уже говорил, если поставить два зеркала друг против друга, может привести тебя в другой мир... Разумеется если ткот есть.

– Кто есть?

– Ткот. Т К О Т, Тот Кто Открывает Тропу то есть я... Надеюсь, ты не думал, что общаешься с обычным котом? – сурово добавил кот... в смысле ткот.

– И в голову не приходило, – соврал Элемрос. – Ткот... это у тебя титул, звание, что-то такое?

– Хм, – ткот почесал ухо лапой, – скорее уж профессия... династическая. Видишь ли, мало создать зеркальный коридор, нужно еще и поверить в возможность по нему пройти. В вашем мире летающие корабли есть?

– Имеются.

– Ну вот сам подумай. Подходишь ты к такой штуке, которая весит черт-те сколько, и кто-то говорит тебе, что эта фигня летает по небу, ты ему поверишь?

– Пока не увижу собственными глазами, наверное, нет, – немного подумав сказал Элемрос.

– Именно, – довольно кивнул ткот. – Пока не увидишь. Так и с зеркальным коридором. Я доказываю, что по нему можно пройти, когда прохожу по нему сам и как только ты поверишь в это, и ты тоже сможешь по нему пройти, иначе никак. Будешь биться головой об металл и все.

Элемрос устроился на стуле поудобнее. Настала пора перейти к более важным вопросам.

– Ты сказал, – осторожно начал он, – что “пришел убрать уныние и прочие отбивающие аппетит вещи” из моей жизни. Что ты имел в виду?

– А у тебя хорошая память, – похвалил ткот, в свою очередь устраиваясь поудобнее на подоконнике, куда снова запрыгнул. К слову сказать, он еще и поджал под себя лапы, что позволило Элемросу с облегчением вздохнуть, так как очередного скрежета когтем по стеклу он не выдержал бы.

– Если ждал какой-нибудь мути, – начал ткот, – по поводу того, что ты избранный или не тот, кем кажешься, то ничего такого. Ты тот, кто ты есть и нет в тебе ровным счетом ничего особенного.

Элемрос равнодушно пожал плечами. Не дождавшись другой реакции, на свое явно провокационное заявление, ткот слегка разочарованно фыркнул.

– Ладно, продолжим. После того, как ты заполучил в свои руки фатумлимор, – ткот приподнял ухо, словно отгоняя возможные вопросы, – камень, очень необычный, такой, какого ты в жизни не видел, на Стеле судьбы в главном зале башни призванных загорелся твой огонек, знак того, кому пришла пора войти в город тысячи зеркал. Я понимаю, что сейчас мои слова звучат как белиберда, это все потом станет яснее ясного, пока же тебе нужно уяснить вот что: меня прислали за тобой, чтобы привести на церемонию отражения, которая состоится через десять дней. Так что у нас совсем мало времени, чтобы найти эти два зеркала.

– А эти твои зеркала пробивают только пространство или пространство-время? – невинно поинтересовался Элемрос.

Ткот широко ухмыльнулся.

– А тебя на мякине не проведешь, приятель. Ладно, насчет 10 дней я соврал, для драматичности, ну и чтобы ты поторапливался, не терплю ленивых. Портал действительно пробивает пространство-время, так что сколько бы мы ни пробыли тут, если пойдешь вместе со мной, то появишься около города тысячи зеркал через 7 минут после того, как я оттуда ушел. Почему семь, не знаю, какие-то магические законы так работают, спросишь потом у порталоведов, если будет желание, когда прибудем на место.

– А если я откажусь? – спокойно спросил Элемрос.

Ткот засмеялся. Смеялся он довольно недолго, так как посмотрел в глаза Элемроса и понял, что тот не шутит.

– Серьезно? – спросил ткот. – Подросток, живущий самой что ни на есть обычной жизнью, с сестрой, похожей на тюремщицу, откажется отправиться в приключение, которое самым волшебным образом изменит его жизнь?

– Скажем так, – Элемрос сцепил пальцы на животе, – нас и здесь неплохо кормят...

– Лол, чувак, – засмеялся ткот, – прикольная фраза. Подарю ее какому-нибудь своему родичу из параллельной реальности.

– Не знаю, что прикольного, но завязывал бы ты с этим интернет-жаргоном, котэ, так уже почти никто не разговаривает... о чем это я?... А к тому, что живу я совсем неплохо, посмотри вокруг? Это же не сарай, не улица и я не голодающий сиротка. Да, есть мелкие проблемы, но могло быть гораздо хуже. Во вселенской лотерее мне достался очень неплохой билет, хотя бы потому, что есть что есть и есть что пить, а значит уже счастливее миллионов людей на этом свете. Ну и потом, не обижайся, конечно, но я так до конца и не уверен, что не сошел с ума и не разговариваю с пустотой или есть другой вариант. Ты реален и предлагаешь очень заманчивые вещи, но, если меня чему и научили в первую очередь, так это тому, что не нужно брать конфеты у незнакомцев.

– А ты рассуждаешь как-то совсем не по-детски, – ткот посмотрел на Элемроса внимательнее. – Ладно, ты во многом прав, но скажи-ка мне... Если бы я доказал свою реальность, ты бы рискнул пойти со мной, взял бы конфету, несмотря на все свое благоразумие?

– Да, – не колеблясь ответил Элемрос, сам удивляясь собственной импульсивности. – Я бы хотел увидеть город тысячи зеркал.

– Молодец, – похвалил его ткот, снова соскакивая с подоконника. – Повернись спиной.

– Зачем? – осторожно спросил Элемрос.

– Доказательства моей реальности нужны? Тогда поворачивайся.

Элемрос повернулся. Ткот исчез из виду и чем-то зашуршал на столе, около которого пристроился Элемрос.

– Так, – бормотал ткот, – что тут у нас...это не пойдет...а это что? Ага! То, что надо. Слушай, как у тебя с гибкостью? Дотянись-ка рукой до спины так далеко, как только сможешь.

Элемрос попробовал.

– Ну вот, – довольно сказал ткот, – есть у тебя на спине мертвая зона, до которой ты никак не дотянешься. Подожди-ка.

Прежде чем Элемрос сообразил в чем дело, ткот быстренько написал ему что-то в районе лопаток. Причем несмывающимся маркером. Красным, как выяснилось попозже.

– Ты что творишь? – возмутился Элемрос, вертясь вокруг собственной оси, как собака в погоне за хвостом. – Что ты там намалевал?

– Доказательство, – ткот был явно доволен собой. – И хватит на сегодня. Уже совсем поздно, так что ложись спать и завтра с утра посмотришь в свое замечательное кхитайское зеркало. На свежую голову, так сказать. Если у тебя на спине будет что-нибудь написано, значит я реален, так как сам ты в том месте точно ничего не мог бы накарывать. Так что давай, лезь под одеяло, а я немного поизучаю твой мир. Глядишь и найду что-нибудь полезное.

– При должной сноровке я смог бы там что-нибудь написать, – немного сварливо сказал недовольный Элемрос. А как бы вы себя чувствовали с разрисованной спиной?

– У меня красивый почерк, – горделиво сказал ткот. – Ты бы даже на листке бумаги не смог бы так красиво писать, не говоря уж о собственной спине. Завтра увидишь.

С этими словами ткот выгнал Элемроса с кресла, причем используя для этого угрожающе выпущенные когти и как только Элемрос залез под одеяло, положил лапу на мышь. Компьютерную, разумеется. После чего, довольно-таки бойко закликал, открывая браузер и поисковик.

– Что? – поймав недоуменный взгляд Элемроса поинтересовался ткот, – ты думал я по улицам пойду шариться? Спи давай. Интернет, который тут у вас используют все, я изучу в первую очередь, в других мирах, кстати, есть его аналоги, не слишком отличающиеся друг от друга. Очень удобная штука... Спи, говорю, продолжим завтра.

Внезапно Элемрос почувствовал, как же он устал за весь этот сумасшедший день. Сразу же после этого его веки мгновенно отяжелели и не прошло и нескольких секунд, как он погрузился в сон. Последняя мысль, что пришла к нему в голову, была о том, что ткотяра здорово умеет обращаться с мышью...

На следующее утро Элемрос проснулся от самого противного на свете звука. Но об этом потом. Случалось ли вам по-настоящему хорошо выспаться? Это когда встаешь утром бодрый, веселый, с ощущением того, что мир прекрасен и удивителен? Наверняка случалось. А теперь представьте себе все прямо противоположное. Вот именно так себя ощущал Элемрос, проснувшись, как я уже сказал, от самого противного на свете звука. Издавали его большие антикварные часы в виде замковой башни, весьма искусно скопированной с какого-то знаменитого средневекового сооружения. Название Элемрос забыл сразу же, как только получил эти часы в подарок от Марты на прошлый день рождения. Тогда он впервые испытал чувство, которое, кажется, называется “детство кончилось”. Именно эти часы и издавали тот самый звук, который походил одновременно на тихий вой несмазанной двери и хрип голодного гамадрила с ангиной. Более точного описания придумать Элемрос не мог. Звук этот исходил из часов в качестве замены оглушительного колокольного звона, издаваемого часами каждый час. Прекратить удары звоном по ушам можно было только нажав на скрытый в подставке рычажок. Колокольный звон пропадал, после чего появлялся звук.

Элемрос с трудом оторвал от подушки налитую свинцом голову и ошалело уставился на нечто похожее на рыжий ершик для унитаза, стоявшее рядом с хрипящими часами.

– Это что за дрянь? – спросил ткот, глядя широко раскрытыми глазами изнутри ершика, в который он превратился, вздыбив шерсть от испуга. – Где ты ее взял?

– Это подарок, вообще-то, – буркнул Элемрос. – Но не извиняйся, я тоже стал выглядеть примерно так, как ты сейчас, когда услышал этот звук в первый раз.

– Не в звуке дело, – задумчиво сказал ткот, понемногу принимая прежний почти приглаженный вид. – Что-то есть в этих часах... даже не могу объяснить... Магия, что ли?

Элемрос пристально посмотрел на часы и пожал плечами.

– Говорят, что старинные вещи перенимают что-то от своих владельцев, – сказал он. – Может этими когда-то владел какой-нибудь волшебник. Они же очень старые.

– Может быть, – сказал ткот, продолжая недоверчиво всматриваться в часы. – Ну ладно, оставим это сейчас. Пока ты дрых, я кое-что нашел.

Ткот элегантным прыжком перескочил от часов к компьютеру и гордо ткнул лапой в монитор.

“Выставка предметов древнеегипетского искусства”. Это было написано в заголовке статьи.

– Смотри на фото номер 14. Кстати, отличное изобретение – фотография. Остановить мгновение и полюбоваться им снова. Не перестаю восхищаться всякий раз, когда натыкаюсь на него в любом из миров. Не так элегантно, как живопись, но намного быстрее.

Элемрос в другое время не преминул бы расспросить ткота по поводу других миров, но сейчас он был ошеломлен тем, что откопал ткот. Это была одна из тех удивительных случайностей, которые позволяют не терять надежду тогда, когда кажется, что выхода нет.

На фото были изображены два шлифованных зеркала, одно серебряное другое золотое. И они были в человеческий рост, так как на фото присутствовал улыбающийся работник музея, стоявший рядом с зеркалами.

– Здорово, правда? – гордо сказал ткот. – Кажется мы все-таки попадем в город тысячи зеркал.

– Я еще не решил, пойду ли с тобой. И кроме того, ты не забыл, что надо бы проверить, не псих ли я? – напомнил Элемрос.

На самом то деле он все уже решил, (какой тринадцатилетний пацан решил бы по-другому) но просто из чистого упрямства стоял на своем.

– Так в чем же дело? – улыбнулся ткот, который, похоже, вовсе не был обманут этой показухой. – Пора проверить.

– Вот именно, – сурово кивнул Элемрос, – ты мне там что-то написал...

Он хотел было подойти к зеркалу, но ткот его остановил.

– Давай это потом, – как-то слишком поспешно сказал он. – Для начала решим, что будем делать.

– Пойдем в музей, – пожал плечами Элемрос. – Создадим твой коридор и все.

– На глазах у всех, что ли? Так дела не делаются. Нас никто не должен видеть. Магия – тонкая наука, со своими законами и если ими пренебрегать, то можно черт-те что натворить.

– Кстати, о магии, – сказал Элемрос, – почему ты не можешь вернуться тем путем, что и пришел?

– Законы не моя придумка. Они просто есть и изменить их не получится. – развел лапами ткот. – Мне пришлось открыть выход из своего мира, который одновременно является входом в твой. По магическим законам нельзя войти через выход и выйти через вход. Это также невозможно, как в вашем мире, по физическим законам, для щепки упавшей в воду поплыть против течения. Ну или если по-другому объяснить... та тропа, которую ткоты открывают, как я уже говорил, открыла выход из моего мира и вход в твой, понимаешь? То, через что мне удалось пройти, это ВХОД в ваш мир. Даже если мы по нему пройдем, то снова окажемся здесь же.

– Логично, – наморщив лоб и немного поразмыслив признал Элемрос. – И значит...

– Значит, – сказал ткот, – нужно открыть выход из вашего мира, который одновременно будет входом в наш... Для этого нужны зеркала и я. А потому, нам нужно придумать способ, не привлекая к себе внимания, попасть в музей и остаться в полном одиночестве возле этих зеркал. Минут на пять, этого хватит для открытия тропы.

– Ничего себе задачка, – хмыкнул Элемрос. – В музей только ночью никого не бывает, после закрытия...

Ткот выразительно посмотрел на него.

– Ну уж нет, – возмутился Элемрос, – я в музей вламываться не буду.

– Значит найдешь другой способ, – ткот шмыгнул к окну и прежде чем ошарашенный Элемрос успел хоть что-нибудь сказать, протиснулся между рамой и стеной и был таков.

– Да ну на фиг, -решительно сказал Элемрос, потряс головой и через голову стянул футболку. – Сейчас я посмотрю на свою спину, увижу, что там ничего нет, а потом попрошу Марту отвезти меня в дурку.

Несмотря на все свою решимость, Элемрос все же медлил. Была у него хорошая привычка не врать никому и в первую очередь самому себе. И теперь он абсолютно искренне признавал, что не знает, чего ему больше хочется. Чтобы на спине ничего не было или чтобы там все-таки что-нибудь да было. Это только на первый взгляд кажется странным, вроде бы выбор очевиден, быть психом или отправиться на встречу приключениям в другой мир... Когда вы окажетесь перед таким выбором – это будет совсем другая история. А Элемрос колебался...

Правда недолго.

– Ладно, – прошептал он через пару секунд колебаний и повернулся спиной к зеркалу.

Какое-то время Элемрос всматривался в зеркальное отражение надписи, стараясь понять, что же там такое, а потом рассмотрел. На спине, большими красными буквами и действительно идеально красивым почерком было написано: “Лох”.

– Ах ты поганый комок шерсти! – возопил Элемрос, сжимая кулаки. – Оно ж теперь не отмоется!

– Успокойся, – сказал ткот, который оказывается все это время находился за окном, прячась за пустым скворечником. – Я все могу объяснить.

– Да уж постарайся, – прошипел Элемрос, с трудом сдерживаясь, чтобы не бросится на ткота.

– Если бы я написал что-нибудь мудрое, загадочное или значимое, у тебя остались бы сомнения, – закатив глаза и качая головой сказал ткот. – Сумасшествие может принимать какую угодно форму, но оно никогда не бывает смешным. Нет в нем ничего смешного, так что то, что я написал – это наилучший вариант.

– Что-то мне оно ни разу смешным не кажется, – буркнул немного остывший Элемрос. Так как он был не только правдивым, но еще и умеющим смиряться с тем, что не мог изменить, злость его уже подутихла.

Ну и кроме того, несмотря на крайне оскорбительную ерунду на спине, он был рад. Думаю, не надо объяснять почему.

– Хвалю твою выдержку, – ухмыльнулся ткот, от которого не ускользнули эти изменения в элемросовом настроении. – В прошлый раз в меня в аналогичной ситуации из бластера шмальнули. Вон, даже проплешина небольшая на лапе осталась. Ерунда... Так что? Когда будем брать музей?

– Жаль, что у меня бластера нет, – вздохнул Элемрос. – Я б не промахнулся.

Глава пятая

Немного погодя, когда в дверь постучали и не ожидая ответа в комнату энергично вошла Марта, Элемрос завтракал.

Чипсами.

Обычно сестра без стука не входила, но сегодня этот хоть и неожиданный, но не катастрофичный проступок, оказался для Элемроса сродни ушату ледяной воды на голову. Но сначала о чипсах. Вообще-то Элемрос придерживался здорового питания, но кроме того еще и мнения Парацельса, что все в мире яд, вопрос лишь в дозировке. Поэтому, когда ему хотелось поесть какой-нибудь нездоровой, но вкусной ерунды, он ее ел. Редко и помалу. Тем не менее, его принципиальная сестра не одобряла, само-собой, даже таких излишеств. Так что не было ничего странного в том, что Элемрос, при виде входящей в комнату сестры, укусил себя за пальцы и просыпал чипсы на постель. Удивительного тут ничего не было. Правда не по той причине, что вполне естественно испугаться, если кто-то неожиданно входит к вам в комнату. Даже если вы едите то, что этот самый кто-то не на дух не переносит. Дело осложнялось тем, что, когда вошла Марта, рядом с элемросовой кроватью сидел ткот и яростно отплевывался. Видите ли, минуту назад Элемрос угостил его чипсой со вкусом хрена. Сами понимаете, поквитаться с ткотярой за надпись на спине было просто необходимо. К сожалению, как выяснилось, Элемрос немного переборщил. Ткот плевался, вопил и бегал по комнате, стараясь отчистить высунутый язык обо все, что только можно. Вот почему Элемроса словно холодной водой окатили, когда появилась Марта. Ее вообще-то не должно было быть дома. Само по себе ее присутствие в 10 утра где-нибудь помимо рабочего места было событием беспрецедентным.

– Что ты делаешь, Элем? – спокойно спросила Марта, не обращая ни малейшего внимания на беснующегося у кровати ткота. – Я, кажется, ясно дала тебе понять, что не хочу, чтобы ты употреблял в пищу эту мерзость.

– Я... это, – промямлил Элемрос, совершенно не понимая, что происходит.

– Пожалуйста не бубни, – Марта подняла руку давая понять, что разговор окончен. – Собирайся, мы идем в музей. Сегодня один из немногих дней оставшихся у тебя каникул, (вы помните, что дело происходит в июне, правда?) постараемся, чтобы он не пропал зря. Прибери здесь и встретимся перед домом через 15 минут.

С этими словами Марта повернулась и вышла из комнаты.

– Ладно, – невнятно прохрипел ткот, тяжело дыша. – Мы квиты. Конечно, если ты меня не отравил, тогда это уже перебор.

– Они не ядовитые. Во всяком случае убьют тебя не сразу, а попозже, если верить диетологам, – промямлил Элемрос. – Что это было? Почему...

– ...она меня не увидела? – продолжил ткот. – А как же иначе? Фатумлимор ведь у тебя, а не у нее. Ткота может увидеть только тот, к кому он пришел, и никто другой. Только призванный, словом. Это как если у тебя есть микроскоп, а у кого-то нет, то микробов ему не увидеть. Что, кстати, совсем не помогает, когда пытаешься доказать очередному вновь прибывающему, что он не спятил.

– Ясненько, – сказал немного успокоившийся Элемрос. – Она ведь сказала “музей”, я не ослышался?

– Именно, – ткот пару раз втянул воздух сквозь зубы и окончательно пришел в себя, похлебав воды из Элемросовой кружки. – Так всегда случается, если в твоей жизни начинают происходить волшебные перемены. Когда у тебя оказался фатумлимор, это похоже на то, как в воду упал камень. От него начинают расходиться круги. Они все ровные и симметричные. Так что одно событие следует за другим, постепенно приводя тебя к цели.

– И все становится легко и просто? – недоверчиво спросил Элемрос.

– Разумеется. – беспечно сказал ткот. – Кроме тех случаев, конечно, когда все получается наоборот... Хватит рассусоливать. Сейчас нас, похоже, подхватило правильное течение, так что не сопротивляйся и одевайся быстрее, твоя сестренка, как я понимаю, шутить не любит. И дай мне еще водички, кстати. Смыть вкус твоей отравы.

Если вы закатили глаза, когда Марта произнесла чудовищную фразу о том, что день каникул нужно потратить на что-то полезное, то я вас не осуждаю. Но постараюсь внести ясность. Марта была не в восторге от современного образования. Она была убеждена, что самообразование и домашнее обучение должны играть в воспитании человека намного большую роль, чем традиционно считается. “Учебники и школа, – говаривала она, – это вроде как тело, с которым ты рождаешься. А вот будет оно красивым и здоровым, зависит уже от твоих собственных усилий”.

Именно поэтому, раз в неделю Элемрос проводил почти весь день с сестрой в музее, на выставке, в художественной галерее, одним словом, там, где можно было узнать что-нибудь полезное для интеллектуального развития. Каникулы от этой традиции не освобождались, как вы уже поняли.

“День брокколи”, так его называл сам Элемрос. Брокколи – продукт безусловно полезный, но на вкус... Словом, не мне вам объяснять. Ах да, забыл сказать, что “день брокколи” приходился обычно на субботу, когда занятий в школе не было, что само собой добавляло ему прелести, как вы понимаете. Когда же начинались каникулы, ни один день недели не был застрахован от превращения в “день брокколи”. Ну что ж, по крайней мере сегодня, помимо выслушивания очередных лекций Марты, у Элемроса появилась возможность осмотреть зеркала и предполагаемое место преступления, которое ткот подбивал его совершить.

Вот почему Элемрос был не слишком расстроен, садясь в машину Марты на заднее сидение.

Ровно через полчаса Элемрос и Марта уже рассматривали экспонаты. Это увлекательное действие, естественно, сопровождалось подробными комментариями. Марта была очень эрудированной молодой женщиной и обожала это демонстрировать.

– ...именно благодаря этому, неандертальцы исчезли, а кроманьонцы заняли их место.

Ткот царапнул Элемроса по ноге. Хорошо, что делал это он по дороге в музей достаточно часто, как только видел через окно машины что-нибудь любопытное. Элемрос благодаря этому выработал некий иммунитет и больше не вздрагивал.

– Это очень интересно, Марта, – сказал Элемрос. – Но мне бы хотелось взглянуть на выставку древнеегипетского искусства. Я прочитал, что они выставляют ее в последний раз.

– Хорошо, что ты используешь интернет для чего-то полезного, – одобрительно кивнула Марта.

В этот момент Элемросу показалось, что в глазах сестры мелькнуло замешательство. Хотя скорее всего это просто воображение разыгралось.

– Ну что ж, – сказала Марта, поправляя шляпку. – Я и сама хотела взглянуть на эти экспонаты.

– Течение нас вынесет куда надо, – шепнул ткот, и шмыгнул куда-то в сторону. – Но и подгрести ручками никогда не помешает, – добавил он, прежде чем пропасть из виду.

В музее было довольно многолюдно. По прикидкам Элемроса, примерно треть горожан сегодня точно была здесь. Особенно много посетителей пришло посмотреть на то же, на что и Элемрос с ткотом.

Прямо в центре экспозиции красовался отреставрированный саркофаг с мумией не фараона, конечно, но кого-то тоже весьма значительного. Придворного лекаря любимого кота фараона, как предполагал Элемрос. Он бы с удовольствием узнал бы, кого именно, так как мумии и вообще Древний Египет были предметом одного из его докладов в прошлом году. Он тогда получил высший балл и выучил бесценный урок. Когда по-настоящему заинтересован в пред-

мете доклада, работа движется намного быстрее и приятнее. Так что Элемрос уже было соби-
рался подойти к саркофагу и послушать, что ему сможет рассказать Марта, как вдруг в зале
оглушительно завывла сирена. Как всегда и бывает в подобных случаях, все сначала замерли, а
потом стали крутиться на месте, выискивая причину срабатывания пожарной тревоги.

– Все в порядке, дамы и господа, – один из служащих музея протиснулся в центр зала, –
нет никаких поводов для паники. Вполне возможно, что это ложная тревога. Тем не менее
прошу всех организованно и спокойно покинуть помещение музея. Следуйте за мной и все
будет замечательно.

Марта решительно взяла Элемроса за руку и вместе с другими посетителями они спу-
стились сначала по лестнице на первый этаж, а потом и вышли на улицу. Все столпились около
здания и внимательно наблюдали, не покажется ли где-нибудь дым.

– Можем идти домой, – безапелляционно сказала Марта. – Это надолго.

Ногу Элемроса цапнули.

– Останься, – прошипело внизу.

– Я могу остаться? – спросил Элемрос.

– Музей скоро закроют, – пожала плечами Марта. – Даже если там ничего нет, по инструк-
ции при эвакуации они обязаны проверить каждое помещение, а это займет не меньше часа.
До закрытия останется минут двадцать или ты забыл, что он открыт всего несколько часов в
сутки?

– Хочется осмотреть древнеегипетскую коллекцию. Когда еще предоставится такой слу-
чай? Кроме того, вдруг они продлят время работы из-за этого перерыва?

– Ладно, – немного подумав сказала Марта, прибавив немного загадочную фразу, словно
отвечая самой себе на какой-то сложный вопрос – Может так даже лучше... Позвони мне,
когда закончишь и я тебя заберу.

– Хорошо, спасибо.

Марта несколько мгновений будто бы колебалась, прежде чем уехать. Такое проявление
нерешительности со стороны сестры чем-то слегка напугало Элемроса. Как это бывает, когда
кто-то, кого вы знаете как облупленного, как и все его привычки, вдруг начинает вести себя
нетипично. Хорошо хоть Марта быстро взяла себя в руки и коротко кивнув брату, села за руль.
Как только ее машина тронулась с места, ткот потянул Элемроса за штанину, не давая времени
поразмыслить над странноватым поведением сестры.

– Вон туда, к запасному входу.

Элемрос поспешил за ним. По счастливой случайности, около запасного входа в музей,
который находился за углом, никого не было. Дверь, правда, была закрыта, но ткота это,
похоже, не смутило.

– Этот вход ведет в подсобное помещение, за которым лестница для персонала, – воз-
бужденно сказал ткот, выглядывая за угол. Люди продолжали толпиться у главного входа и
все взгляды были устремлены к окнам. – Я вчера нашел план музея. Подожди меня здесь, я
проберусь через центральный вход и открою тебе дверь.

С этими словами ткот по своему обыкновению мгновенно испарился, оставив Элемроса
размышлять о том, что ему делать если вдруг подойдет кто-нибудь и спросит, что он тут делает.

– Сигнализацию, значит, ты врубил, – пробормотал Элемрос, имея в виду ткота, разуме-
ется.

Дверь, возле которой он стоял, внезапно распахнулась. Перепуганный Элемрос с коло-
тающимся сердцем увидел, как на пороге вырос человек, одетый в форму охранника. В момен-
тально вспыхнувшем мозгу Элемроса одновременно мелькнули видения некоей тюрьмы для
подростков и рассерженной Марты, причем второе испугало его намного сильнее.

– Входите, молодой человек, – сказал охранник и только сейчас Элемрос осмелился под-
нять глаза.

Перед ним стоял Белый Гриф. Тот самый второй обитатель улицы Больных, который обожал фехтовать мечом у себя на заднем дворе.

– Не стой на пороге, – спокойно сказал Гриф. – Ты ведь здесь из-за зеркал, верно?

Глава шестая

Отреагировать можно по-разному, когда кто-нибудь скажет вам что-то, чего вы совсем не ожидали услышать. Можно испугаться, удивиться, вскрикнуть, попятиться. Особо нервные особы могут испытать и проделать все это вместе и одновременно. Элемрос же отреагировал просто как малолетка.

– Это все ткот, – сказал он, прежде чем осознал, что делает.

– Кот? – удивленно переспросил Гриф. – Не понимаю, о чем вы. Хотя удивление понять могу. На первый взгляд моя осведомленность может показаться странной, но это только на первый взгляд. Зачастую у самых необычных событий самое что ни на есть прозаичное объяснение. Дело в том, что я знаю кто вы, молодой человек, к какой семье вы принадлежите, так что, увидев вас сегодня вместе с сестрой, направляющихся в отдел древнеегипетской культуры, я сразу понял, какой именно экспонат вы хотели посмотреть.

– Не понимаю, – помотал головой немного пришедший в себя Элемрос. – Какое мы отношение имеем к этим зеркалам?

Гриф улыбнулся. Выглядел он, кстати, вполне презентабельно в темно-синей форме и седыми волосами, аккуратно собранными в хвост, пропущенный сзади через бейсбольную кепку темно-зеленого цвета с логотипом музея.

– Я, конечно, не имею чести близко знать вашу сестру, но судя по ее манере держаться, она вряд ли посвятит в семейные тайны своего брата до того, как тот станет совершеннолетним... Пойдемте со мной, я вам покажу то, на что вы хотели взглянуть. Надеюсь, госпожа Марта простит мне это небольшое вмешательство во внутренние дела вашей семьи. В конце концов, вы и так все поняли бы сегодня, не случись эта неприятность с сигнализацией.

Гриф сделал приглашающий жест рукой и Элемросу ничего не оставалось, как пойти вслед за ним по пустому коридору музея. Сигнализация перестала возмутительно нарушать пыльный, величественный покой и кругом было пусто и тихо. Гриф шагал рядом, время от времени тихо покашливая. Наверное слегка простудился во время своего очередного исчезновения в лесах или где он там пропадает.

– Вас не удивило, что я попытался пробраться в музей через черный ход? – спросил Элемрос, когда решил, что молчание становится уже неловким.

– Удивило? – Гриф пожал плечами. – Скорее обрадовало. Сейчас все следуют правилам, дух авантюризма и жажда приключений уступили место в юных умах либо рассудительности, либо глупой жестокости и безумствам, либо безрассудству, которое, в частности, выражается в истреблении всяческих монстров в компьютерных игрушках. А это безрассудство прирученное, домашнее и уютное. Как старые тапки. Вроде бы тоже обувь, но на улице в ней показаться стыдно.

– И вас обрадовало то, – сказал Элемрос, – что я вышел на улицу не в тапках? То есть пошел искать приключений на свою голову в реальном мире, а не в виртуальном?

– Вы проникательны, молодой человек, – усмехнулся Гриф. – Пожалуй даже слишком...

Прозвучало ли это немного угрожающе? Элемрос не успел об этом подумать, так как из-за угла вынырнул ткот и шмыгнул ему под ноги.

– Кажется вышло, – довольно пробормотал он. – Скажи, ловко было придумано? С сигнализацией? Импровизация так же хороша, как и продуманный план. И в том и другом случае результат совершенно не гарантируется, так что действовать наобум ничуть не хуже, чем тщательно планировать.

По понятной причине Элемрос отвечать ему не стал. Сейчас ему пришел в голову другой вопрос.

– А почему здесь так пусто?

– Музей закрыли на сегодня, – объяснил Гриф, положив руку на перила и начиная подниматься по лестнице на второй этаж. – Проверка каждого этажа этого здания займет не менее часа, так что к тому времени, когда мои коллеги закончат, до закрытия останется всего минут двадцать. Директор рассудил, что нет смысла снова открывать музей сегодня. Это нам на руку, сможете рассмотреть интересующие вас экспонаты без толпы людей вокруг.

Ткот восторженно ткнул Элемроса лапой.

– Останется только спровадить этого любезного старикана. Нам нужно минут 10 и все.

До этого он говорил, что потребуется пять минут, но Элемрос решил не придирааться. Тем более что высказывать претензии пустоте, как это несомненно покажется Грифу, будет довольно глупо и опасно. И сразу же вслед за этим Элемрос получил доказательство тому факту, что если все идет гладко – это не означает, что так будет всегда.

– Конечно я не смогу вас оставить одного, – сказал Гриф, – правила есть правила, но я отойду в сторону и меня будет не видно и не слышно.

– Черт, – прошипел ткот. – Нельзя перемещаться на глазах у непризванных. Орден полярного волка с меня шкуру спустит.

– Мы пришли, – коротко сказал Гриф и остановился.

Зеркала стояли прямо в центре зала, на пятчке, окруженном четырьмя позолоченными стойками, которые были соединены между собой красными бархатными канатами. Два маленьких прожектора освещали удивительные экспонаты снизу. Благодаря удачно расположенным источникам света, остальное помещение было погружено в полумрак, тогда как зеркала сияли словно озерная вода, застывшая в форме двух прямоугольников в человеческий рост.

– Теперь вам понятна моя проницательность? – спросил Гриф и ткнул пальцем в металлическую табличку рядом с зеркалами. – Как видите, ничего сверхъестественного.

– О чем это он? – спросил ткот, глядя жадными глазами на золотое зеркало. Жадность эта была не та, которая замешана на алчности, а скорее та, которую испытывает человек мучимый жаждой при виде стакана воды.

Элемрос молчал. До сего момента ему казалось, что после всего пережитого за эти два дня, уже ничто не сможет выбить его из колеи или удивить... Но он ошибался.

– “Эти экспонаты, – прочитал ткот, – были подарены музеей Марией и Александром Стефано.” Дар щедрый, если судить по тому, сколько у вас золото и серебро стоит, ну и что?

– Это мои родители, – прошептал Элемрос. – Они подарили эти зеркала музею.

Ткот присвистнул.

– Да, – кивнул Гриф, любуясь зеркалами. – Самый дорогой подарок, который был сделан нашему музею за все время его существования. И два наших самых уникальных экспоната.

– Будь эти зеркала все еще в твоей семье, – буркнул ткот, – все было бы гораздо проще.

Элемрос молчал. На него нахлынула такая буря эмоций, что стало тяжело дышать. Он знал, что его родители были археологами, но об этой их находке он никогда не слышал.

– Мне нужно поговорить с сестрой, – решительно сказал Элемрос. – Прямо сейчас.

– Да ладно, – занял ткот. – Мы так близко от цели, ты с ума сошел.

– Я понимаю, – кивнул Гриф и ненадолго задумался. После чего отстегнул от пояса пластиковую карточку и протянул ее Элемросу. – Возьмите.

– А что это?

– Мастер-ключ, – сказал Гриф. – Можете прийти сегодня сюда после заката. Он откроет все двери, и сигнализация при этом не сработает.

– Я бы сказал “спасибо”, – нахмурился Элемрос, – но все-таки хотел бы сначала спросить “почему”?

– Почему? – Гриф снова улыбнулся, но уже слегка задумчиво. – Поощряю дух авантюризма, наверное... ну а кроме того, семья Стефано сделала для города больше, чем кто бы то ни было... а я люблю этот город.

Элемрос постучал карточкой по ногтю большого пальца, после чего спрятал ее в карман.
– Спасибо, – серьезно сказал он, глядя в глаза Грифу. – Думаю, откуда вы знаете, кто мы, стоит обсудить попозже.

Гриф слегка наклонил голову.

– Я останусь здесь, у меня сегодня дежурство, – сказал он, – полагаю, вам стоит выйти через тот же запасной выход. Дорогу помните?

– Найду, – сказал Элемрос, – еще раз спасибо.

Он повернулся и зашагал к лестнице на первый этаж, сопровождаемый восторженно бормочущим ткотом.

– Нам определенно суждено попасть в город тысячи зеркал. Смотри как все удачно складывается. Это закон реки, приятель. Если уж попал в нее, то приплывешь туда, куда она тебя принесет, главное, чтобы несла она тебя в нужном направлении.

Гриф стоял возле зеркал и молча смотрел на свое нечеткое отражение в золотой поверхности. Выставочный зал постепенно погружался в теплый послеобеденный коктейль, смешанный из фильтрованных лучей солнца, процеженных сквозь старые жалюзи и почти невидимых пыльных облачков.

После того, как тень от золотого зеркала осторожно коснулась носка его ботинка, Гриф вынул из кармана мобильник и набрал номер.

– Он придет сюда ночью, – тихим бесцветным голосом сказал он. – Можешь присоединиться к нам.

На этом можно было бы и закончить очередную главу нашей с вами истории, но я, пожалуй, повременю.

Я посредственный писатель, поэтому не имею ни малейшего представления о том, как назвать то, что слишком маленькое для очередной главы и не является ни эпилогом, ни прологом, так что назову это просто по-киношному.

В другое время, в другом месте

Местные жители называли ее Гибельной скалой. Подниматься на ее вершину было довольно легко, так как, по сути, никакая это была не скала, а просто берег моря, высоко поднимавшийся над водой. Гибельным местом этот каменистый берег делало то, что 360 дней в году сильнейший ветер дул здесь 24 часа в сутки, а по неизученному до сих пор феномену, низко висевшие тучи постоянно извергали молнии, время от времени ударявшие прямо в камни, лишенные всякой растительности. Местный коллекционер периодически продавал на интернет-аукционах фульгуриты – причудливые фигуры, всевозможных форм и размеров иногда даже похожие на застывшую молнию, получающиеся из смеси песка, воды и воздуха, сплавленных воедино ударом небесного огня. Собирал он их в те пять дней, когда ветер над Гибельной скалой стихал, а сквозь грозовые облака робко проглядывало тусклое холодное солнце.

Среди старожил ходила легенда, что именно на эту скалу упал поверженный дьявол, после битвы с Богом. Именно этим объясняли суеверные персоны клетку из молний, в которую была заключена Гибельная скала, можно сказать, круглый год.

Считанные единицы отваживались подниматься сюда, кроме того отчаянного, ну или алчного коллекционера, даже в дни относительного затишья, а уж о том, чтобы приходить на этот проклятый берег в любые другие дни, не было и речи. Нужно было быть самоубийцей, хотя удивительное дело, но и сводить счета с жизнью сюда никто не приходил. Вероятно, не было желающих делить могилу с дьяволом, пусть даже мифическую. В общем, если и существовало на земле место, достойное называться проклятым – это было оно.

В тот день, о котором я тут по мере сил пытаюсь рассказать, ветер на Гибельной скале дул особенно сильный, волны были необычно высокие, ну а молнии сверкали еще чаще обычного. Даже местные жители, привыкшие ко всему, время от времени вздрагивали и бормо-

тали под нос проклятия вперемишку с молитвами, когда особенно сильный удар грома нестерпимым грохотом разрывал тишину в клочья.

Прямо в центре этого ада на земле, всего в нескольких метрах от обрыва и kloкочущих внизу водоворотах мутной от ярости воды, скрестив ноги и, положив вывернутые ладонями вверх руки на колени, сидел обнаженный по пояс человек. Глаза его были закрыты, и он не обращал внимания ни на ужасающие удары обрушивающихся на скалистый берег тонн воды, ни на пронзающие воздух «стрелы дьявола», как иногда именовали молнии местные жители, ни на ледяной воздух, превращающий в пар спокойное дыхание сидящего.

Он дышал медленно, и, я бы даже сказал, старательно, что ли. Сначала надувался живот, следом за ним грудь и после небольшой паузы воздух выходил из неплотно сомкнутых губ в виде легкого белого облачка. За исключением передней части тела, незнакомец был абсолютно неподвижен и очень походил на изваяние из камня. К слову говоря, сидел он так вот уже два часа и казалось, ничто не может нарушить эту невозмутимое, замершее спокойствие во плоти. Даже ударившая всего в метре от него молния, оставившая причудливый фульгурит, той совершенно неопиcуемой красоты, которую может создать лишь стихия.

Ну а сразу же после этого одновременно произошли две вещи:

Ткот из рода бастерий прошел по тропе в наш мир.

Незнакомец на Гибельной скале широко раскрыл глаза.

Глава седьмая

Дорога до дома заняла всего 10 минут. Она заняла бы не больше 3-4, если бы Элемрос не выбрал тот из двух автобусных маршрутов, что выбирали для себя романтики и влюбленные. Ну или туристы. Мэр городка принял решение пустить вторую автобусную линию вдоль берега моря. Так что автобус выезжал через восточные городские ворота, объезжал город по периметру и возвращался обратно, затратив в три раза больше времени, чем первый, практичный маршрут, идущий прямо.

Элемрос был практичным человеком и потому всегда выбирал короткий маршрут. Но сегодня, сами понимаете, был особый случай. Требовалось привести мысли в порядок, поэтому сейчас Элемрос сидел, держа на коленях без умолку болтающего ткота, совершенно не обращая внимания ни на него, ни на открывающийся за автобусным окном вид на море, тихое и спокойное, переливающееся всеми оттенками оранжевого, из-за уже почти опустившегося за горизонт солнца.

Родители Элемроса пропали 7 лет назад. Они не уехали в очередную экспедицию, не попали в аварию, ничего такого. Просто ушли из дома вечером и не вернулись. Элемрос так и не вспомнил до сих пор, что же за последний разговор состоялся у них тогда, перед исчезновением. Из кино и литературы он знал, что это важно.

Но он не помнил.

Все что осталось в памяти – это лица родителей, довольно смутные, и слова Марты о том, что их больше нет в их с Элемросом жизни. Как я уже рассказывал, в доме не было даже их фотографий...

И вот сейчас, спустя столько лет, Элемрос был абсолютно уверен в том, что все забыл. Забыл, что когда-то у него были папа и мама, забыл и навсегда успокоился.

Он ведь был совсем еще юн и не знал, что с любовью всегда так. Можно быть на сто процентов уверенным, что чувства прошли и забылись, но хватает всего лишь самого незначительного события, хоть как-то связанного с прошлым и сердце подскакивает к горлу, а желудок сжимает железной рукой и совершенно естественно во рту из-за этого возникает противный металлический привкус.

Элемрос любил своих родителей, а потому и испытывал сейчас все эти противные ощущения.

– ...до сих пор не поблагодарил меня за ловко включенную сигнализацию, – голос ткота прорвался наконец в затуманенный нахлынувшими эмоциями мозг Элемроса. – И вообще, зря ты это затеял. Разговоры и все прочее. Когда бежишь с горы, назад оглядываться глупо и даже опасно, нужно смотреть только вперед.

Элемрос промолчал. Автобусная остановка была всего лишь в минуте ходьбы от их дома. Элемрос еще и непроизвольно ускорил шаг, как только вышел из автобуса. Последние несколько метров он почти бежал. Ткот шуршал в траве и больше не пытался втянуть Элемроса в разговор.

Дверь дома была открыта, а Марта сидела в гостиной, по своей привычке ровно выпрямившись и не касаясь безупречно ровной спиной спинки дивана. Увидев брата, она молча показала ему на стул, который стоял напротив нее.

– Я, пожалуй, подожду на улице, – ткот ни с того ни с сего решил проявить деликатность.

С этими словами он исчез за дверью. Элемрос немного потянул время, тщательно и медленно закрывая замки. Сердце понемногу начинало стучать ровнее и к тому моменту, когда он опустился на стул, почти успокоилось.

– Ты видел, – скорее утверждая, чем спрашивая сказала Марта. – Видел табличку, верно?

– Видел, – кивнул Элемрос. – Ты так тщательно оберегала меня от всего, что связано с нашими родителями и вдруг...

– Хорошо, что ты понимаешь, – кивнула Марта. – Что я именно оберегала. Но сегодня все изменилось. Уж не знаю почему, но я вдруг почувствовала, что пришло время рассказать тебе то, что я хотела приберечь до твоего совершеннолетия.

– Я слушаю, – коротко сказал Элемрос.

Марта, немного помолчала, словно собираясь с мыслями. Хотя Элемрос был более чем уверен, что разговор этот сестра продумала от и до. И продумала давно.

– Начну с самого важного. С того, что, несомненно, волнует тебя больше всего. Я не знаю, что случилось с нашими родителями. Не знала тогда и не знаю сейчас. Пока не появится новой информации, я ничего не смогу тебе рассказать об их судьбе. На тот случай если у тебя возникли или возникали сомнения, я продолжаю искать их. И никогда не переставала искать.

Элемрос опустил голову.

– Я думал тебе все равно, – вырвалось у него, прежде чем он успел спохватиться.

Марта снова немного помолчала, прежде чем заговорить.

– Я пресекала все разговоры о них не потому, что равнодушна к их судьбе и не для того, чтобы сделать тебя равнодушным, а просто из-за того, что в жизни всегда нужно сосредотачиваться на самом важном. И для тебя, как для еще не взрослого человека учеба и воспитание важнее, чем поиски, в которых ты все равно ничем не мог бы помочь.

Элемрос мог бы возразить, но не стал, так как не хотел прерывать сестру. Если уж вам начали рассказывать нечто очень важное, сбивать рассказчика не следует. Никогда не знаешь, что заставит его замолчать.

– Что же касается этих зеркал, – продолжала Марта тем временем, – они были подарены музеем еще до твоего рождения. Родители хотели показать их тебе тогда, когда ты будешь в состоянии оценить их... но не успели. Это все, что я знаю.

– Не об этом ты хотела поговорить, – Элемрос словно услышал себя со стороны. Сегодня он будто бы говорил не по своей воле. Так бывает, когда находишься в смятении.

– Это... действительно так, – сказала Марта, слегка постукивая носком туфли по ковру. – Мы поговорили о прошлом, теперь о будущем. Ты знаешь, что родители оставили нам солидный счет в банке и это правда, но правда не вся. Археологи они были весьма удачливые, что в применении к этой профессии означает и финансово успешные. После находки в одном нормандском замке потайного подвала с уникальным архивом францисканских монахов, из-за которого передрались крупнейшие музеи мира, состояние нашей семьи утроилось и это было не последнее такое событие. Не буду утомлять тебя подробностями, но, в конце концов, получилось так, что семье Стефано, стараниями нанятых родителями специалистов, стали принадлежать контрольные пакеты акций практически всех предприятий, работающих в этом городе. Не будет сильным преувеличением сказать, что фактически весь этот город является собственностью нашей семьи.

Элемрос сглотнул. Железная рука вернулась и снова начала массировать его желудок. Не то, чтобы он не догадывался о чем-то таком, но это не меняло того факта, что волна нехороших предчувствий захлестнула его с новой силой.

– Когда меня назначили твоим опекуном, – продолжала Марта, – я решила не говорить тебе о всех нюансах семейного бизнеса. И сделав так, чтобы ты ни в чем не нуждался, я все же постаралась, чтобы из тебя вырос достойный молодой человек, не испорченный никакими излишествами.

Элемрос внимательно посмотрел на сестру. Марта едва заметно пошевелилась, но глаз не отвела.

– Мне кажется у меня получилось, – твердо закончила она. – Ты вырос дисциплинированным, насколько это возможно для подростка, неизбалованным и честным.

Теперь наступил черед Элемроса краснеть. Он действительно не врал сестре. Никогда. Но сейчас он и не говорил ей всей правды, а это уже почти ложь

– Вот, почему я думаю, что со временем, – продолжала Марта, – воля наших родителей сможет быть исполнена мною с чистой совестью.

– О чем ты? – помотал головой Элемрос.

– По завещанию, – Марта подняла голову еще выше, – все имущество семьи Стефано переходит в твою собственность... Как только тебе исполнится 18 лет, и я перестану быть твоим опекуном... думаю не будет большим преувеличением сказать, что после твоего восемнадцатого дня рождения весь этот город, как и вся корпорация Стефано, будет принадлежать тебе. А до той поры, думаю стоит продолжить работать над своим образованием и сосредоточиться исключительно на этом, не распыляясь на всякие пустяки и фантазии, чтобы наследие наших родителей попало в надежные руки.

Сестра слегка отвернулась, дав понять, что разговор пока закончен. Растерянный и оглушенный Элемрос помотал головой, словно отгоняя наваждение. Марта поджала губы, спокойная и невозмутимая, как всегда.

На первый взгляд.

Однако ее выдавали пальцы, крепко стиснувшие фиолетовый зонтик.

А еще вернулся ткот. Он стоял в дверях, маленький и одинокий, серьезно глядя прямо в глаза ошеломленному Элемросу.

Некоторое время спустя, когда сестра и брат обменялись парой неловких фраз, которые принято говорить, если нужно разойтись по комнатам и подумать, Элемрос сидел у себя в комнате и думал бы, но в комнате находились еще Элли и ткот. А это серьезно усложняло задачу.

В голове у Элемроса была странная мешанина из обрывков мыслей и эмоций. Разобраться в этой каше не представлялось возможным, да он и не пытался, в связи с присутствием Элли. Она смахивала пыль с каминной полки (забыл рассказать, что в комнате у Элемроса был камин, правда неработающий), а ткот шуршал чем-то под кроватью.

Нельзя сказать, что слова Марты оказались для Элемроса полной неожиданностью, как я уже говорил, что-то такое он подозревал, но одно дело подозревать и совсем другое получить подтверждение своим самым невероятным домыслам.

– Проблемы? – улыбнулась Элли. – Как всегда?

Элемрос хмыкнул.

– Типа того, – хмуро глядя в пустоту сказал он. – Что ты тут, кстати, делаешь? Сегодня среда.

– Марта попросила помочь, сказала посидеть с ребенком надо, – Элли критически посмотрела на каминную полку и удовлетворенная своей работой, кивнула. – Поделись проблемой, одна голова хорошо, а две лучше.

Элемрос немного помолчал, стараясь собрать в кучу хоть что-то из той мешанины мыслей и эмоций, что поселились в голове, похоже, навсегда.

– Выбрать надо, – наконец сказал он, – выбрать между двумя совершенно невероятными вещами. В этом проблема.

Элли отложила ершик для пыли и вздохнула.

– Не думаю, чтобы у наследника семьи Стефано был выбор, – серьезно сказала она. – Я имею в виду то, что можно хотя бы с натяжкой считать выбором.

– Ты знаешь. – констатировал Элемрос довольно-таки равнодушно. Сейчас не это его волновало.

– Сведения о вашей семье хорошо спрятаны. Если не знать, где копать, то никогда и не догадаешься, кто вы и где вы. Думаю, я единственная, кому это удалось, а я потратила на это почти год, – пожала плечами Элли. – Я писала курсовую о проблемах малого бизнеса, ну и кое-

что выяснила о том, кому принадлежат львиные доли всех предприятий города. Скажи спасибо, что жители нашего городка, а также их дети, не имеют ни малейшего понятия, кто ты такой на самом деле, иначе жизнь твоя в школе была бы совсем кислой. Поклонники, преследователи и тому подобное.

Элемрос поморщился и подарил Элле самый свой недовольный взгляд. Который она проигнорировала, само собой.

– Ну и о каком выборе идет речь? – Элли почесала нос. – Дождись восемнадцати и начинай творить добро... или зло. Стань, например, тираном какого-нибудь островка и начни всех угнетать. Вели называть себя – Элемрос Первый, круто.

Элемрос невольно засмеялся.

– Как у тебя все просто... Жаль, что у меня не так.

– Проблема выбора зачастую самая сложная, – серьезно сказала Элли. – Иногда потому, что человек и сам не знает, чего хочет, но чаще всего из-за того, что попросту боится последствий своих поступков. Как это всегда бывает с тем, что нам неизвестно.

Ткот высунул мордочку из-под дивана и внимательно слушал.

– Можно прикинуть шансы, – продолжала тем временем Элли, – взвесить все “за” и “против” того или иного выбора, а можно бросить монетку, – улыбнулась она, – но мне почему-то кажется, что последнее не для тебя...

– Прямо мои мысли озвучивает, – прошипел ткот.

Элли немного помолчала. Ткот тоже молчал, почему-то пристально всматриваясь в нее.

– Мне помогает совесть, – сказала наконец Элли. – Я всегда выбираю то, за что совесть будет меньше упрекать. Совесть – она, видишь ли, настолько талантливый сыщик, что отыщет тебя даже там, где весь остальной мир не сможет... Не ссорься с ней, себе дороже получится.

С этими словами Элли щелкнула Элемроса по носу и вышла из комнаты.

– Мудрая девица, – одобрительно сказал ткот, глядя вслед Элли. – Не по годам. Начинаю думать, что в вашем мире модно взростеть пораньше... Ну так что ты решил? Я тут наблюдал за твоим лицом во время разговора с сестрой...

– Знаю, – буркнул Элемрос, – и это раздражает.

– ...поэтому я почти уверен, что решение ты принял. Озвучивай, если я прав.

Ткот сложил передние лапы, совсем как человек сцепив пальцы. Он изо всех сил старался скрыть волнение, но удалось это ему не совсем.

– Я остаюсь здесь, – тихо, но твердо сказал Элемрос.

Ткот немного помолчал.

– Ты сейчас отворачиваешься от мира, чудесней которого нет во всей вселенной, – глядя в сторону сказал ткот. – Ты не представляешь, от чего отказываешься. Ты отказываешься от того, чтобы увидеть, что такое мечта наяву...и...

– Я не брошу ее, – перебил его Элемрос. – Марту... Она бывает совершенно несносной, но она моя сестра и... ее уже один раз бросили... нас обоих уже бросали и я не поступлю так с ней. Может... нет, я уверен, что у моих родителей не было выбора, бросать нас или нет, но у меня он есть.

Прежде чем снова нарушить молчание, ткот молчал дольше, чем Марта во время недавнего разговора.

– Уверен, – неохотно сказал ткот наконец, – что в этом дело?

Элемрос открыл было рот, чтобы подтвердить, но не смог произнести ни слова. Человек редко в чем-то уверен до конца, особенно в тех случаях, когда речь идет о выборе между мечтой и реальностью. Особенно если его реальность вполне может быть мечтой любого другого человека, причем мечтой недостижимой.

– Иногда нужно уметь отказаться, – сказал Элемрос, – отказаться от того, что ты хочешь, ради того, что правильно.

Ткот молчал, смотрел в сторону и продолжалось это довольно долго. Мордочка ткота не выражала никаких эмоций, хотя быть может Элемрос просто не умел читать по ней.

– Действительно, – по-прежнему не глядя на Элемроса задумчиво сказал ткот, – иногда нужно сделать то, что считаешь правильным...

Он наконец посмотрел прямо на Элемроса и тот без всяких сомнений увидел в глазах ткота твердую решимость.

– Ты обещал помочь мне вернуться домой, сдержишь слово?

– Конечно, – не раздумывая ни секунды сказал Элемрос. – Я помогу тебе попасть домой, но с тобой не пойду.

Ткот раскрыл было рот, чтобы что-то сказать, но не проронил ни слова.

В течении нескольких секунд.

– Ну тогда двигаем, – сказал он потом. – Уже достаточно темно, так что в музей мы проберемся без проблем.

Они выбрались из дома через окно. Потом, правда, пришлось спуститься по водосточной трубе и хотел бы я сказать, что Элемрос справился с этим без труда, но врать не буду.

На первом этаже свет уже не горел, Марта ложилась рано. Улицы были пустынные, жители городка были так же разумны, как и Марта, поэтому всего за пятнадцать минут Элемрос добрался на своем велосипеде до музея. Изредка попадавшиеся на пути туристы, гулявшие по ночному городу, не обращали на местного подростка никакого внимания.

За время всей поездки ткот не проронил ни слова, лишь вздыхал время от времени, в ответ на собственные, неведомые Элемросу мысли.

Возле музея горели оранжевые фонари, в кустах пели цикады, что было неудивительно для этого времени года, и иногда где-то далеко-далеко слышались крики чаек, да шум проезжающих машин иногда заглушал звуки природы на пару секунд.

Около уже знакомого им запасного выхода, разумеется, также было пусто. Элемрос вытянул из кармана ключ-карту и поднес ее к датчику. Замок на двери щелкнул и мгновение спустя Элемрос вместе с ткотом уже поднимались по лестнице на второй этаж.

– Я кое-что не сказал тебе, – вдруг сказал ткот, внезапно остановившись на середине лестничного пролета. – Тебе все-равно придется пойти со мной через портал. Видишь ли, только призванный, тот у кого есть фатумлимор может пройти этой тропой. Я открою ее, но без тебя не смогу пройти по ней.

– А ты не врешь мне? – подозрительно спросил Элемрос.

– Нет, не вру, просто чуть-чуть недоговариваю. Тут ведь вот еще что: если ткот появится без призванного – это, знаешь ли, все равно, что... даже не знаю с чем сравнить... позор, короче, – сказал ткот, старательно отводя взгляд. – Попадем туда, посмотришь, что и как и я открою тебе портал домой. Вот и все.

– Надеешься, что я останусь там, когда увижу тот прекрасный мир, о котором ты говорил? – прозорливо спросил Элемрос. – Хочешь лишить меня выбора?

– Есть такая мысль, – вымученно улыбнулся ткот. – Извини, не привык я хитрить и изворачиваться.

– И еще одно, – сурово добавил Элемрос. – Там, в городе, не окажется вдруг, что и обратно могут пройти только двое? И ты будешь давить на жалость, типа не забирай меня отсюда?

– На такую мерзость даже я не способен, – оскорбленно фыркнул ткот. – Если ты твердо решишь не оставаться там, просто оставишь свой фатумлимор здесь. Он будет чем-то вроде маячка, тогда я смогу сориентироваться и открыть тропу только для тебя... Но я надеюсь, что ты все-таки останешься.

Элемрос не стал спорить. Иногда такие вещи ощущаешь инстинктивно. Когда вроде бы и есть что сказать, но понимаешь, что сейчас не время. Оставшаяся дорога прошла в молчании и всего через пару минут они уже стояли перед зеркалами.

– Не тормозим. – нетерпеливо сказал ткот, – магия не терпит нерешительности. Ставь зеркала друг напротив друга.

Зеркала выглядели тяжелыми. Тем не менее, Элемрос убедился, что они были предусмотрительно поставлены на постаменты с колесиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.